ВОСПИТАНИЕ
И
ОБРАЗОВАНИЕ

ШАЛВА АМОНАШВИЛИ

КАК ЛЮБИТЬ ДЕТЕЙ

ШКОЛА ЖИЗНИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Я понял, что детей надо любить не только красиво, но с чувством глубокой ответственности за их будущее, их надо любить всей своей жизнью, надо любить постоянно. А это значит – заботиться о них, о каждом из них, не услаждать их байками о «светлом будущем», а вдохнуть в них мужество бороться против тьмы, учить их самим стоить, облагораживать жизнь для себя и для других и защитить ее». Таков вывод автора книги, который сделал попытку осмыслить свою богатую педагогическую жизнь с целью проследить за зарождением и становлением в нём любви к детям.

- Шалва Амонашвили
  -
  - Истоки моей любви
  - Любили ли меня учителя?
  - Я – герой
  - Я прячусь в кухне
  - Контрольная для учителя
  - Английский грузинскими буквами
  - Единица на всех, шишки по голове каждому
  - Я знаю «Эй, би, си, ди»…
  - Созвездие учителей
  - Мы очарованы. Что дальше будет?
  - Что в имени учителя
  - Подарок
  - Она – моя
  - Мы смотрим на тихо плачущую учительницу
  - Во мне поэтический дар
  - Она готовила меня для спасения
  - Момент истины
  - Героическая Любовь
  - Тетрадь для математики и стихов
  - Люби ближнего своего как себя самого
  - Мы облагораживаем учителя физики
  - От злобы учителя меня спасает шпаргалка
  - Я студент востоковедческого факультета
  - Зигзаги судьбы
  - Так я думал в конце 50-х годов
  - Дети призывают меня отходить от авторитаризма
  - Идеи из будущего
  - Пусть учитель живёт для Вечности

- Любят ли авторитарные учителя детей?
- Исправление ошибки
- Трагикомические события
- Мечта о Детском Государстве
- Сердце живого педагогического процесса
- Грустное лицо Сухомлинского
- «Как любить детей»
- Нежданная радость
- Укрепление веры
- Двадцатилетний эксперимент
- Открываем уже открытое
- Благая Весть о Любви
- Там, где не царствует Любовь
- Я стажируюсь у Константина Дмитриевича Ушинского
- Допущения гуманной педагогики
- Защитники
- Факел Духовности и Любви
- Соты Мудрой Любви к детям
- Я обращаюсь к книгам как к Небесам
- Мой клубок любви
- Надо любить детей, чтобы защитить их
- Я устремлён в Будущее

Шалва Амонашвили
Как любить детей. *Опыт самоанализа*

«Бог есть Любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нём».

Св. Апостол Иоанн

«Люблю неправых в жизни излечить Любовью».

Живая Этика

«Заповедь: люби ближнего своего – это гармония, простор, свобода. Глянь вокруг – улыбнись!»

Януш Корчак

«Если учитель имеет только Любовь к делу, он будет хороший учитель. Если учитель имеет только Любовь к ученику, как отец, мать, он будет лучше того учителя, который прочёл все книги, но не имеет любви ни к делу, ни к ученикам. Если учитель соединяет в себе Любовь к делу и ученикам, он – совершенный Учитель».

Лев Николаевич Толстой

«Возлюби Ребёнка. Возлюби его сильнее, чем самого себя. Уверуй, что Ребёнок чище, лучше, честнее, талантливее тебя. Всего себя отдавай детям и только тогда сможешь именоваться Учителем».

Василий Александрович Сухомлинский

«В Любви Ребёнок находит вдвое больше источник роста».

Иоанн Генрих Песталоцци

Дорогой Коллега!

Вопрос – как любить детей – вечен для педагогики. Но не для педагогики как академической науки, а педагогики как уникального единства науки и высокого искусства, как образа жизни, как состояния духа.

Обидно, что педагогическая наука не стремится к синтезу с педагогическим искусством, с тем, чтобы на этой основе стать мощным двигателем поступательного развития нашего общества.

Но еще обиднее, когда она вовсе противоречит искусству воспитания, в основе которого лежит безграничная любовь к детям. Мы должны признать, что не сможем решить насущные, жизненные проблемы гуманной педагогики, если тысячекратно не будем возвращаться к тому, что школе нужно, прежде всего, научиться любить детей.

Образовательное пространство должно быть заполнено до краев

духовной,
утонченной,
мудрой,
одухотворяющей,
жертвенной
любовью воспитателей и учителей к своим детям, ученикам.

Для гуманной педагогики это аксиома.

Но нужно еще понять – как, именно как – любить детей и каждого Ребенка, чтобы любовь стала самой действенной и доброй силой воспитания. Сколько нас – учителей и воспитателей на Земле – столько же ответов мы можем получить на этот вопрос – как. Если каждый из нас тысячу раз возвращался бы к осмыслению качества своей любви к детям, я полагаю, мы бы постигли мудрость педагогической любви. Наверное, это и стало бы для нас самым высшим профессиональным достижением.

Много раз я читал прекрасную книгу Януша Корчака – «Как любить ребенка», читаю и перечитываю «манифест» Василия Александровича Сухомлинского – «Как любить детей». И, размышляя над идеями этих мыслителей, я решил заглянуть в свой внутренний мир и заняться самоанализом.

Истоки моей любви

Чувствую, мне надо разобраться в сути и могуществе Педагогической Любви. Она вошла в меня не с фанфарами и не через потрясения, не с детства или с первого взгляда, а незаметно, без часа и дня, без месяца и года.

Я знаю только, что было время, когда Педагогической Любви (как казалось тогда) во мне не было. Может быть, лучше сказать: я не чувствовал, не подозревал, что родился с искрой такой Любви в душе, родился, чтобы гореть в ней. Если бы я обнаружил эту искру в себе тогда, будучи учеником, я попытался бы вырвать её из себя, погасить немедленно.

Но теперь я знаю, она осталась во мне. И она – Педагогическая Любовь, это прекрасное пламя, движет мною. Она питает смысл моей жизни, она пронизывает моё сознание, мою жизнь. Именно она заставляет спешить к детям, радоваться им и скучать по ним, общаться с учителями, писать книги, совершенствовать в себе всё – и свой характер, и знания, и педагогическое искусство.

Но что это такое – Педагогическая Любовь, Учительская Любовь? Да разве не хватит Ребёнку материнской Любви, родительской Любви, зачем еще Учительская?

И почему наука педагогическая (даже психологическая) не только о Великой Любви, а просто о любви говорить не любит? Все учебники педагогики, – новые, старые, – в которых должны быть отражены достижения науки и забота о подготовке будущих учителей, о Любви к детям молчат, как будто в рот воды набрали. Что такое Любовь и должен ли учитель любить детей, должен ли знать, как нужно их любить? Эти вопросы для учебников не существуют. И я делаю свой вывод: значит, сама наука слепа, раз не замечает Всеначальную Энергию Жизни в целом, и в образовании в частности.

Но Бог с ней – с современной наукой.

Для меня существует более возвышенная Педагогика, она вечна, она от Высшего Света. Это есть Учения Классиков: Марка Фабия Квинтилиана, Яна Амоса Коменского, Жан Жака Руссо, Иоганна Генриха Песталоцци, Константина Дмитриевича Ушинского, Якова Семёновича Гогебашвили, Марии Монтессори, Януша Корчака, Антона Семёновича Макаренко, Василия Александровича Сухомлинского. Любовь – основа их учений. Они свои учения для того и создавали, чтобы утвердить Любовь как Основной Закон Образования, из которого могут быть выведены определения, называемые методами, принципами, школой,

уроком, реформой и т. п.

Любовь ко всему хорошему воспитывали во мне мама, бабушка, дедушка. В детстве я не был злым, не был самолюбивым. Да, был шалуном и доставлял родным много волнений и беспокойства. Но меня любили, и я любил.

Во мне осталась память об отце, который добровольно ушёл на фронт и погиб в Крыму в начале Великой Отечественной войны. Память об отце тоже взращивала во мне любовь.

И, вообще, все добрые воспоминания детства и юности, и последующих периодов тоже, до сих пор теплятся во мне, и я постоянно общаюсь с ними. Дмитрию Сергеевичу Лихачёву принадлежит мудрость: «Воспитываться в моральном климате памяти». Моральный климат памяти во мне постоянно занимается этим.

Много чего я любил в детстве.

Любил, когда бабушка перед сном садилась у изголовья моей кровати и начинала нашептывать мне молитвы. Я полюбил бабушкины молитвы, они успокаивали меня, ласкали мою душу. Я запомнил их, а спустя десятилетия сам читал их моим детям перед сном, читал внукам. Эти молитвы, которые я порой, дразня бабушку, высмеивал, – «Бога нет, бабушка, Бога нет!», – оказались семенами моей веры, которая выросла во мне тоже спустя десятилетия.

Любил быть рядом с дедушкой, когда он работал в винограднике или же выжигал известь. Он выслушивал мои «научные» речи, а я глотал, как виноградные гроздья, его мудрость, впитывал его философию крестьянина. Дедушка сеял в моей душе семена, которые зародили во мне мировоззренческие начала.

Любил ласки и заботу матери. Ласки её были нежными, хотя она не баловала меня ими, а забота была чуткая и требовательная. Я часто сердил её – у меня было много двоек по разным предметам. Не потому, что не хотел учиться или был лодырем. А потому, что не понимал своих учителей, их объяснения, а они без сожаления ставили мне двойки. Мама плакала из-за моих плохих отметок, ибо воображала в них мою будущую несостоятельность. У меня сжималось сердце от слёз матери. Я, конечно, прекрасно понимал, каково ей было, молодой женщине, вдове погибшего на фронте мужа, одной воспитывать двоих детей (у меня есть сестра младше меня на семь лет). А она мечтала воспитывать нас такими, чтобы отец, если душа его видит нас, радовался и гордился нами и мамой. Эта забота матери взращивала во мне особую любовь – любовь с пониманием долга, с пониманием преданности.

Любил я писать стихи, пьесы, философские эссе, ставить спектакли.

Я полюбил жизнь.

Любили ли меня учителя?

Школу я, конечно, любил.

Там, в школе, свершались главные каждодневные события моей жизни. Они происходили в её длинных коридорах и укромных уголках большого двора, где можно было пошалить, подраться, повстречаться с друзьями, обменяться марками, спичечными коробками, скрепить дружбу, дать друг другу списать и т. д. и т. п. Это была жизнь, а я ее любил.

Школу-то я любил, но это не значит, что также любил своих учителей, или спешил в школу лишь для того, чтобы их увидеть, с ними пообщаться. Причину, которая объясняет это обстоятельство, я бы назвал законом взаимности: недолюбливал своих учителей, потому что чувствовал – они тоже недолюбливали меня, слабого.

Конечно, они по-своему любили всех детей и среди них меня тоже, но эта любовь ни к чему их не обязывала. Были у них любимчики, те, которые чем-то угождали им, всегда всё выполняли, слушались, или были талантливыми. Но и эта любовь была связана с условностью: если кто переставал быть примерным или разочаровывал в своих способностях, то терял любовь учителя. Само слово «любимчик» – весьма сомнительное понятие, далёкое от Педагогической, от Учительской Любви.

Знали ли мои учителя, как надо любить детей и каждого отдельного Ребёнка?

Думаю, такой вопрос – как любить детей, как любить своих учеников – у них не возникал.

Как они нас любили?

Любили своими заштампованными серыми уроками, бесконечными нудными домашними заданиями и проверками, вызовами к доске и выставлениями отметок; любили своими раздражениями и угрозами, контрольными работами и исправлениями ошибок; любили своими оскорблениями и строгостями, наказаниями и вызовами родителей; любили прохождениями программ, успеваемостью в процентах и соблюдением так называемой сознательной дисциплины. Они не очень-то трудились, чтобы во всю эту дидактическую мишуру вложить хоть чуточку своей души, вложить хоть чуточку уважения к нам. Заметно было, что многие учителя больше любили саму власть над нами, чем нас самих.

Но закон взаимности действовал неумолимо.

И мы отвечали на любовь наших учителей своей «любовью». То и дело срывали уроки, удирали с уроков, запасались

шпаргалками, списывали друг у друга, исхитрялись, обманывали и т. д. и т. п. У нас было выработано множество способов для самозащиты. Одновременно обнажалась наша беспомощность: унижались перед ними, умоляли не ставить плохих отметок, не вызывать родителей.

Я – герой

С 1942 года нас с девочками разъединили, и я стал учеником четвёртого класса мужской школы.

И вот урок русского языка.

Входит в класс пожилая учительница, её называли заслуженной. Она – автор учебников. У неё строгое, недовольное лицо.

Мы встаём.

– Здравствуйте… – произносит она не тоном доброжелательного приветствия, а с некоей угрозой – «Сейчас посмотрим, с чем вы пришли».

Все хором и громко отвечают:

– Здрааавствуууйтеее… – и в этом ответном приветствии тоже не звучит радость встречи с учительницей, с предстоящим уроком русского языка.

У меня весёлое настроение, и в хоровом «здравствуйте» выделилось моё «драп-ту-пи-те»… Откуда такое пришло в голову, не знаю.

Учительница ошеломлена. Видимо, такое с ней ещё никто себе не позволял.

– Кто это?! – грозно закричала она.

– Я… – говорю, и самому хочется смеяться над своей дерзостью.

Конечно, я тогда не думал о том, что со мной будет, точнее, как она со мной поступит.

Если бы она любила меня Учительской Любовью, поступила бы совсем по-другому. Но она так заорала, что дети испугались. Она говорила какие-то русские ругательные слова, из которых я понял: надо выйти из-за парты и постоять в углу лицом к стене.

Это не испортило моего настроения. То и дело я оборачиваюсь и, уловив момент, гримасничаю. Дети смеются, мне хорошо.

– Вон из класса!.. – закричала она вдруг, и сама вытолкнула меня за дверь.

Классная комната на первом этаже. Окна выходят во двор. Я бегу во двор. Там сооружён спортивный городок. Взбираюсь по железной лестнице, перелезаю на шест и спускаюсь вниз. Качаюсь на перекладине.

Мои одноклассники смотрят на меня. Смеются, кто-то, может быть, завидует.

Учительница опять разразилась. Вызывает завуча и требует, чтобы тот забрал меня и строго наказал.

Он ведёт меня и наказывает: велит постоять у своего кабинета весь оставшийся урок. Потом делает строгое внушение и отправляет меня в класс.

Ребята окружают меня, спрашивают:

– Ну, как?

– Да никак! – говорю я, но чувствую себя героем.

У меня появляется отвращение к учительнице и к урокам русского языка.

У меня переэкзаменовка.

Я заканчиваю шестой класс.

Учительница химии назначает мне переэкзаменовку. Я умоляю её поставить мне тройку, обещаю, что впредь буду учиться хорошо.

Я чувствую, если мама узнает, что у меня переэкзаменовка, она заплачет, ей будет стыдно перед близкими и соседями за своего сына. Мне будет больно видеть, как она плачет. Не хочу обидеть её. Кроме того, что я скажу дедушке и бабушке, у которых собираюсь провести в деревне всё лето? Они гордятся мною, и вот приехал внук-двоечник!

Но учительница химии стоит на своём.

– Ты ничего не знаешь по химии…

Я ухитрился скрыть свою двойку от матери и уехал в деревню с учебником химии. Каждый день скрывался в виноградниках и зубрил параграфы и формулы.

В конце августа я заявил бабушке, что еду в Тбилиси.

– Почему?! – удивилась она. – До первого сентября ещё целая неделя…

Но я поехал в Тбилиси и поспешил в школу пересдать химию.

В кабинете химии моя учительница, кстати, весьма красивая женщина, ведёт светскую беседу с другим учителем. Я долго жду. Наконец она оборачивается ко мне, но говорит своему собеседнику:

– Представляете, как этому лодырю повезло? Если бы министерство не упразднило бы курс химии в шестом классе, я бы его оставила на второй год. Но вот досада, изучение химии сейчас начинается с седьмого класса…

Я сразу не понял, в чём дело, испугался.

А она говорит уже мне:

– К сожалению, ты проскочил в седьмой… Экзамена не будет… Но рано тебе радоваться…

Это ли Учительская Любовь к своему ученику?

Закон взаимности принуждает меня недолюбливать эту красивую женщину.

Я прячусь в кухне

Это тоже в шестом классе.

Учительница русского языка (теперь уже другая), пожилая женщина, она же руководительница класса, грозится, что не переведёт меня в седьмой класс.

Да, я не знаю русского языка, не имею в семье речевую среду. А в школе учительница только и делает, что ставит мне двойки. Я стараюсь учить наизусть тексты без понимания смысла, но это меня не спасает. Списывать во время контрольных работ тоже не всегда удаётся, она как будто только за мною следит, чтобы я не «жульничал».

У меня накапливаются двойки по математике, по физике, по английскому. Я, получается, круглый двоечник. Что делает моя классная руководительница?

Она кладёт классный журнал в свой чёрный портфель и вечером, неожиданно, приходит к нам домой.

Я понимаю, это не к добру.

Прячусь в кухне.

Мама тоже напугана: что же я такое натворил, что классная руководительница сама приходит, с мрачным лицом садится у обеденного стола и достаёт из своего чёрного портфеля журнал.

– Маро, – говорит она маме, – плохи у твоего сына дела. Вот смотри, – и показывает в журнале против моей фамилии жирно написанные цифры, – два… два… два… два… два… Что делать? Он в следующий класс не перейдёт… Может, направить его в фабрично-заводское училище?..

Она не спрашивает маму, как та одна справляется с воспитанием двоих детей, на что семья живёт, чем она болеет, чем сын увлечён, что ему мешает хорошо учиться…

Она встаёт и уходит, оставив в семье горе.

Мама заплакала, у неё больное сердце.

Я тоже заплакал от безысходности.

Почему никто не хочет помочь мне?

Мог ли я полюбить эту учительницу? А без любви как мне освоить русский язык?

Контрольная для учителя

Ее в классе никто не любил, ибо она сама не любила нас: никогда не защищала нас, только ругала и пугала, доносила о наших «выходках» директору, проводила строгие контрольные, ставила много двоек и называла нас тупицами. Нам русский язык давался с большим трудом, кроме тех немногих, которые овладели русской речи в семье. Ребята были не прочь при любом случае тоже оказать ей свои «услуги».

Было это в седьмом классе. Входит она на урок недовольная, бросает на стол кипу тетрадей для контрольных и говорит раздраженно, что мы не справились с этой письменной работой и все мы умственно отсталые.

Начинает работу над исправлением ошибок.

– Гоги, встань! – Гоги у нас лучший знаток русского языка, он редко допускал ошибки в контрольных.

Гоги чинно встает и готовится выслушать упрек учительницы.

– Скажи, как пишется слово «вместе»?

Гоги отвечает подчеркнуто разборчиво:

– Слово «вместе» пишется вместе…

– А как ты в контрольной написал? – тон учительницы означает: «Как тебе не стыдно!»

– Я в контрольной слово «вместе» написал раздельно – «в месте»…

– А разве я не объяснила вам, как это слово пишется?

– Да, вы объяснили, но я все же допустил ошибку…

– Вот за это тебе и «два»…

– А вы не спросили, почему я допустил ошибку…

– И почему же?

– Я ошибку допустил для вашей проверки…

– Что?!

– На этот раз вы справились – нашли мою ошибку, и я ставлю вам «пять»…

– Что ты мелешь?!

– В прежних же контрольных, – продолжает Гоги спокойно, – вы не обнаружили три ошибки, которые я специально допустил для вашей проверки, и я поставил вам три «двойки»… Скажите, как пишется слово…

– Как ты смеешь, наглец…

– Если я наглец, то и смею… Но на этот раз вам еще одна двойка за грубость…

– Вон из класса!

– Это еще одна «двойка» вам за поведение…

– Убирайся…
Работа над ошибками провалилась.

Английский грузинскими буквами

Об учительнице английского языка. Она совсем молодая красивая женщина. Строгая, нервная, недовольная. Даёт нам первые уроки английского.

Ставит мне двойку. За что? Хочу спросить, но она может накричать на меня, нагрубить. Она такая. В следующий раз опять ставит двойку. В конце урока подзывает к себе и тихо говорит:

– Ты хороший мальчик, мне жалко оставлять тебя на второй год, займись с репетитором…

Мама узнаёт её домашний адрес, и мы идём к ней.

Сперва – «нет-нет», а потом соглашается давать мне частные уроки.

В неделю два раза я хожу к ней домой. Мы открываем учебник и грузинскими буквами под английским текстом пишем транскрипции. Получается, что я читаю английский текст грузинскими буквами. На уроках, когда она вызывает меня к доске, я так и делаю, и вместо двоек ставит она мне тройки, порой – четвёрки.

Она строго предупредила меня, чтобы в классе я не проболтался и никому не сказал, у кого я беру частные уроки.

Мамину жалкую пенсию в месяц раз я передаю ей, а это происходит в 1944 году.

Она довольна мной, говорит другим учителям, что я способный мальчик. Конечно, я не мог её любить.

Единица на всех, шишки по голове каждому

Учитель физкультуры.

Добродушный крикун. Мог дать подзатыльник ученику, выругать его с отцовской заботой.

Весь класс решил прогулять уроки целого дня и спастись от трёх контрольных.

Директор поручил учителю физкультуры разыскать нас. Тот нас не нашёл. Искал по всему Тбилиси, но не додумался, что мы могли быть в зоопарке и веселиться.

На другой день озлобленный на нас учитель физкультуры, вместо того, чтобы провести урок, предпринял следующее: сперва обругал нас всеми дозволенными и недозволенными словами, обещая ужасные последствия за нашу дерзость; потом провёл в журнале линейкой вертикальную линию, приделал сверху носик, а внизу – опору; так получилась одна большая единица на всех, единицу записал каждому из нас в дневнике; далее, вызывая нас по двое, ставил бок о бок друг к другу, а сам сзади обеими руками ударял наши головы друг об друга. У каждого на голове образовалась шишка. А потом принудил нас написать заверение, что больше никогда мы не посмеем прогуливать уроки.

Делал он всё это вполне серьёзно и, полагаю, с верою, что свершает педагогическую задачу – воспитывает нас, но, по всей вероятности, и с чувством мщения за то, что мы оказались прозорливее и скрылись так, что он не смог нас разыскать. Значит, не смог выполнить и задание директора.

Он был пожилой мужчина, «опытный» учитель физкультуры, ему поручалось выполнение всех силовых заданий.

Мы были тогда в восьмом классе.

Можно ли обнаружить в этом «педагогическом» деянии какой-нибудь след искренней любви к нам?

Мы никому не пожаловались за шишки и долго тешились над нашим учителем. А общая единица в журнале осталась в памяти как анекдот.

Я знаю «Эй, би, си, ди»…

Пришёл новый учитель английского языка (это уже по счёту который!) и обнаружил, что мы, семиклассники, не знаем наизусть английский алфавит. Он не смог этого допустить. Почти полгода он упражнял нас в заучивании алфавита: на каждом уроке вызывал по десять-двенадцать учеников, и они должны были скороговоркой произнести весь алфавит. За малейшее запинание ставил двойку, но если кто произносил весь порядок алфавита сразу и без заминки, ставил пять. Однако со временем кто-то мог забыть, потому он постоянно проверял прочность наших знаний, неожиданно вызывая нас. Так я получил по английскому четыре или пять пятёрок.

Английский я у него, конечно, не выучил. Мне от него в подарок остался зазубренный английский алфавит. Это знание в моей жизни не стоило и выеденного яйца. Оно так и лежит в складах моего сознания рядом с никчемными клочками знаний от химии, физики, математики, биологии, от некоторых других так называемых учебных предметов.

Не знаю, должен ли я быть благодарен учителю, который так закрепил во мне знание английского алфавита, вместо того чтобы дарить мне живую английскую речь, вкус к чтению английской поэзии, дарить хотя бы сто слов и сто прекрасных предложений!

Созвездие учителей

Школа, где я учился, не была заброшенной. Она была большая, прославленная и стояла в центре Тбилиси.

Чем же славилась моя мужская школа? Было чем.

Размышляя об этом, я прихожу к выводу, что каждая школа имеет (во всяком случае, так это должно быть) своё созвездие учителей. Это созвездие может состоять из двух, из трёх, из четырёх, может быть, если повезёт, из семи звёзд. В крайнем случае, должна быть хоть одна звезда, светлая, яркая. Это созвездие учителей и создаёт славу той или иной школы.

Если из школы уйдёт созвездие учителей, спустя некоторое время слава школы погаснет. Вот такое созвездие учителей прославило мою школу. Его составляли всего три-четыре учителя. Среди них: Варвара Вардиашвили (учитель грузинского языка и литературы), Георгий Мгалоблишвили (учитель истории), Тамар Казахашвили (учитель математики).

Они, конечно, отличались друг от друга, но было нечто, что их объединяло и отличало от всех остальных. Это нечто было то, что я хочу назвать Педагогической Любовью, Учительской Любовью. Дать полную характеристику и раскрыть всю сущность такой Любви мне будет трудно. Однако я попытаюсь сделать то, что в моих силах. Для этого мне понадобится проследить за своей судьбой.

Мы очарованы. Что дальше будет?

Как ни странно, я – круглый двоечник до седьмого класса, потом – круглый троечник, а закончил школу на золотую медаль. Как это могло произойти?

Итак, я в седьмом классе, это 1945–1946 учебный год.

Мы узнаём, что грузинскому языку и литературе нас будет учить Варвара Вардиашвили. Это вызвало в нас восторг.

Мы были наслышаны о ней – все ученики из других классов любили её. Рассказывали об её удивительных уроках, о её доброте и внимательности, о том, как она помогает всем; говорили о её справедливости и о том, как она защищает своих учеников. «У неё нельзя не учиться», – говорили нам старшеклассники.

О ней шли легенды. Она была заслуженным учителем. Дважды была награждена орденом Ленина.

Седая, полная, невысокого роста, с мягкой и спокойной походкой, обаятельная, с очаровательной улыбкой, с бархатистым голосом, который никогда не повышался, сдержанная, с ласковым и проницательным взглядом. Что ещё сказать? Незамужняя, бездетная.

Настал день. Мы ждали её, и она вошла в класс. Мы встали.

– Здравствуйте… – сказала она тоном и вибрацией, которые я, спустя годы, буду вспоминать и исследовать. По моему телу пробежали мурашки: это была необычная ласка, долгожданная.

И мы ответили ей не так, как здоровались с другими учителями, а также нежно, тихо.

Потом она сказала:

– Спасибо…

За что «спасибо»? За то, что мы ответили на приветствие приветствием?

Но «спасибо» было искреннее.

Потом она направила свои мудрые глаза на каждого из нас. Посмотрела на меня тоже. Я утонул в них.

– Садитесь, пожалуйста… – сказала она.

Мы садимся.

Каждый из нас уже очарован. Что дальше будет?

Что в имени учителя

В те годы я, разумеется, не был способен на обобщения, но сейчас, размышляя над тогдашним состоянием моего духа, могу сказать, в чём заключалась магическая сила влияния Варвары Вардиашвили: в её имени, которое строило в нас воображение о ней, и в первой встрече, которая превзошла наши ожидания.

Имя учителя может нести мощный воспитательный заряд, но, к сожалению, может быть и таким, от которого не надо ждать чего-то радостного.

Имя может быть

воодушевляющее
запугивающее
ни рыба, ни мясо
прославленное
дурное.

Разные бывают имена у учителей.

В имени Варвары Вардиашвили был заключён не столько опыт, сколько тихое горение, преданность, мудрость, терпение, понимание. Всё это, конечно, в педагогическом смысле. Это было особое сочетание того, что я хочу назвать Учительской, Педагогической Любовью. Любовь эта была с огранкой, как бриллиант. Она любила детей не абстрактно, а всех нас вместе и каждого в отдельности, каждого по-своему. Она любила нас и владела мудростью – как нас любить. И так как она берегла своё Имя и заполняла его лучшими педагогическими оттенками всю жизнь, то Имя её в будущих учениках, которые ещё не соприкоснулись с ней, вызывало почтение, почитание, трепет, настраивало их на взаимность.

Имя Варвары Вардиашвили вошло в наше сознание и настроило нас на лад созвучия, привело нас в готовность следовать за ней.

Вся школа звала её «Дейда Варо». «Дейда» в переводе на русский значит «тётя», но семантика этого слова имеет следующий смысл: «мамина сестра». Дейда Варо для каждого её ученика была маминой сестрой. Это означало, что в ней была забота о каждом, каждый мог обращаться к ней за помощью, поддержкой, защитой; каждый мог надеяться, что найдёт в ней сочувствие, сострадание. Это означало большее: Дейда Варо сама спешила помогать, со-радоваться и сочувствовать, сама бралась на защиту того, кто в этом нуждался.

В школе не принято звать учительницу тётей, но в нашей школе это было принято только в отношении Варвары Вардиашвили, надо было лишь набраться смелости и перешагнуть барьер условностей. Я только через год осмелился обратиться к ней «Дейда Варо», и это произошло само собой, естественно, ибо она действительно стала «сестрой» моей матери, то есть, второй матерью для меня.

Подарок

А теперь о первой встрече.

Мы были семиклассниками и, разумеется, не могли охватить всю полноту славы нашей учительницы. Ожидание наше было неопределённое: будет нечто необычное и обязательно прекрасное. Но что?

И то, что произошло, превзошло наше ожидание необычности.

Конечно, мы воспринимали нашу учительницу на фоне того опыта, который сложился у нас в общении с другими учителями. Кого-то из нас они сделали агрессивными и недоверчивыми, провоцировали на грубость, на конфликты. В ком-то зародили страх, апатию, неуверенность в себе. Кто-то стал злостным правонарушителем и непослушным. Некоторые стали нигилистами, другие – молчаливыми и послушными. Так «мы все учились понемногу чему-нибудь и как-нибудь».

Учителя входили на урок со строгим лицом и сразу выясняли выполнение домашних заданий; потом проводили строгий опрос и ставили отметки; потом пересказывали очередной параграф из учебника или упражняли в решении разных задач и примеров. Далее напоминали, что скоро будут контрольные работы. В конце задавали завтрашнюю порцию домашних заданий и удалялись. Каждый из нас наизусть знал, с чего начнёт и чем кончит урок тот или иной учитель. По логике вещей, они старались для нас, но мы воспринимали всё это как принуждение.

А новая наша учительница вошла с доброй, приветливой улыбкой, поздоровалась бархатистым голосом, сказала нам спасибо, взглянула всем в глаза. Это уже было необычно. А потом – вдруг – спросила:

– Ребята, вы любите стихи?

Нам никто не прививал любовь к стихам; прежний учитель требовал от нас выучить наизусть заданное стихотворение и отбарабанить его на уроке. Никогда не задавал он вопроса, нравятся ли нам эти стихи.

Но на вопрос новой учительницы мы ответили – «да», ещё не зная, что за этим последует.

– Прекрасно, – сказала она, – давайте тогда почитаю вам стихи…

Она держала в руках сборник стихов. Книга была потрёпанная.

– Стихи я посвящаю каждому из вас… Читаю стихи для тебя, Гоги! Думаю, они тебе понравятся…

Она назвала имя ученика; откуда она его знает? Гоги, этот нигилист, от неожиданности растерялся.

Прочла она стихи удивительно искусно, стихи из высокой поэзии. Мы оказались под впечатлением.

Она выдержала паузу.

– Гоги, ну как стихи?

– Очень хорошие… – произнёс зачарованный Гоги.

Гоги воспитывался без родителей. Ему никогда ни один учитель не посвящал ничего. И другим тоже никогда не доводилось получить такой подарок от какого-либо учителя.

– Вам тоже понравились стихи? – спросила она нас.

– Да… – тихо и искренне прошептал весь класс.

– И моё чтение понравилось?

– Да… – опять прошептали мы.

– Тогда поаплодируйте мне, пожалуйста…

Мы поаплодировали.

– Спасибо, – сказала она, – а теперь посвятим стихи… – она окинула взглядом всех и остановила его на Гураме, – тебе, Гурам…

Седьмым или восьмым она назвала меня.

Сердце моё забилось звучно и быстрее от осознания своей значимости.

– Думаю, у тебя особая любовь к стихам, Шалва…

Её голос, мелодичность чтения, сами стихи вливались в мою душу как яркий свет, несущий какое-то странное, радостное, до сих пор не испытанное мною чувство; мне хотелось плакать… Она ведь читает стихи для меня, посвящает их мне!

Потом она спрашивает:

– Ну, как, Шалико… – она назвала меня ласкательным именем, – Примешь мой подарок?

– Да… – произнёс я шёпотом и, наверное, подбежал бы к ней, обнял бы её. Но этого я не сделал, а, сидя за партой, стал украдкой смахивать слёзы.

Что я пережил тогда? Какое это было необыкновенное ощущение? Тогда я этого не знал, но теперь могу сказать: я почувствовал, что она меня любит, она признаёт меня, она моя, у меня есть Учитель…

Она – моя

Как она нас любила?

Любила вот какими способами: на уроках языка мы превращались в лингвистов – исследовали, определяли, опровергали, устанавливали, открывали. Это происходило так, как на научном симпозиуме или в научных лабораториях. Или же, как будто собрались случайно или преднамеренно люди смежных специальностей и задели в разговоре какой-либо вопрос, в обсуждении которого мысль каждого имеет исключительное значение для понимания проблемы. Мы приучались делать это спокойно, с уважением друг к другу.

Время от времени она спрашивала:

– Не пора ли проверить, каким специалистом стал каждый из вас?

Это для неё были плановые контрольные работы, а для каждого из нас – проба собственных способностей и знаний. Она никогда не пугала нас последствиями таких работ, а возможность успеха перед нами никогда не закрывалась. Она – наша учительница – зарождала в каждом из нас устремлённость и торжественность.

Так я стал получать от неё первые пятёрки. Первые пятёрки получали и другие мои одноклассники.

На уроках литературы она любила нас тоже необычно. Уроки принимали вид художественного чтения. Читала сама, и мы слушали с упоением. Потом открыла среди нас нескольких чтецов, и они приходили с книгами разных авторов и читали.

Мы поневоле становились чтецами, литературными «критиками». Она не принимала слово «критика», когда надо обязательно искать недостатки и гордо на них указывать. Наша критика была, скорее всего, развитие и совершенствование наших литературных вкусов и интересов, путь поиска собственных оценок и мировоззрения. Она радовалась, когда видела в наших руках книги классиков литературы, книги утончённых поэтов. Внимательно выслушивала наши отзывы о них. Были случаи, когда обращалась к кому-либо из нас:

– Ты не мог бы дать мне эту книгу почитать на пару дней?

И когда с этой просьбой однажды обратилась и ко мне, я был очень горд и рад. А спустя пару дней, вернув книгу, сказала:

– У тебя хороший вкус, раз такие книги читаешь… Спасибо, я получила удовольствие…

Что ещё было нужно для того, чтобы я пристрастился к чтению? Я жадно искал книги. У меня ведь «хороший вкус»,

потому выбирал их. И она всегда замечала, что я читаю на этот раз, вела со мной непринуждённый разговор о книге, делилась своими впечатлениями.

«Я», «со мной»…

Я принял её и думал, что она только моя Учительница. Но потом, спустя годы, убедился: каждый из её бывших учеников тоже считал, что она была только его Учителем.

Мы смотрим на тихо плачущую учительницу

Самым лучшим чтецом в классе был Сандрик Ахметели. Он был сыном известного режиссёра Александра Ахметели, репрессированного в тридцатых годах. Мать, актриса, тоже была репрессирована. Наша учительница, разумеется, знала об этом и, полагаю, проявляла особую заботу о нем.

Сандрик заявил на уроке:

– Я нашёл прекрасные стихи в отцовской библиотеке. Хотите, прочитаю?

– А вы хотите, ребята, послушать стихи? – обратилась она к нам.

Хотели, конечно.

Мы приготовились слушать.

Сандрик занял место перед доской, открыл книгу и начал читать. Когда он читал что-то литературное, он забывал обо всём, читал вдохновенно, с переживаниями.

На этот раз было тоже так.

Читает стихи – одно, второе, третье…

Мы не аплодируем, слушаем.

И вдруг видим: стоит наша учительница у окна, спиною к нам, держит в руке свой кружевной шёлковый носовой платок и вытирает слёзы.

Сандрик читает, а она плачет.

Сандрик поглощён стихами, не видит, что с учительницей происходит.

А мы слушаем стихи и смотрим на тихо плачущую учительницу.

Сандрик очнулся, когда услышал колокольный звонок об окончании урока.

Учительница с покрасневшими глазами подошла к Сандрику, поцеловала его в лоб и сказала:

– Дай мне, пожалуйста, этот сборник…

Позже мы узнали, что Сандрик читал нам стихи запрещённого автора, убитого в 30-е годы, – Тициана Табидзе.

На этот раз она не вернула книгу своему ученику.

Спустя год с Сандриком произошла трагедия. Он узнал, что мать жива, она создала в Сибири кукольный театр и ставит спектакли для детей. Кто-то от неё приехал с письмом. Счастливый Сандрик поехал к тому человеку и забрал письмо, а на обратном пути попал под трамвай.

Это было большое горе для родных и для нас тоже: из нашего класса первым ушёл из жизни талантливый Сандрик, всеобщий любимец.

Моя учительница поручила мне написать прощальное слово и зачитать у гроба. Она не скрывала своих обильных слёз и рыдания. Сандрик, по-моему, первым обратился к ней «Дейда Варо» и в обращении не было ничего лишнего: она действительно заменяла ему мать.

Во мне поэтический дар

Однажды в начале учебного года она подозвала меня пальчиком к себе.

Мягкая, еле заметная улыбка на её лице была притягивающей, согревающей, нежной. Она воспитывает, любит меня улыбкою своею. Улыбка – лучик души. Видимо, душа у неё – как Солнце, а этот лучик она сотворила для меня. Вспоминаю эту улыбку и заглядываю в зеркало: можно ли подражать ей и так же улыбнуться детям? Наверное, нет, не получается. Но успокаиваю себя: ведь можно, чтобы я преобразил душу свою в Солнце и творил для детей и для каждого Ребёнка неповторимые улыбки.

Мы уединились у окна, и она тихо говорит мне:

– Мальчик, по твоему взгляду, твоим рассуждениям я чувствую, что у тебя должен быть поэтический дар. Ты стихи пишешь?

Да, я пробовал писать стихи, но об этом никто не знал. Я покраснел.

– Покажи мне свои стихи, если они у тебя есть…

В тот день для меня не было другого занятия, кроме как писать стихи. У меня ведь поэтический дар! Потом я аккуратно переписал свои сочинения в тетрадь, и на другой день, дождавшись в коридоре, застенчиво передал ей.

– Спасибо за доверие… – сказала она с той божественной улыбкой, которую хранила только для меня.

Спустя несколько дней произошло такое событие: она продиктовала всем строфу из моих стихов и попросила провести грамматический разбор и содержательный анализ. А в конце всего сказала:

– Поблагодарим Шалико, это его стихи…

Ребята ахнули: он – поэт?!

Дело было вовсе не в том, был я поэтом или нет, а в том, что во мне укрепилась вера в себя: я совсем не такой, каким меня принимают многие учителя, я тоже что-то значу. Всели это чувство, Учитель, в своего отторгнутого другими учителями ученика – и ты вдохновишь его, он воспрянет, он изменится!

Она готовила меня для спасения

Шло время. Я увлёкся стихами и даже печатался в детских журналах и газетах, читал стихи в литературных кружках, на торжественных собраниях, встречался с известными грузинскими поэтами, выступал даже перед Николаем Тихоновым, известным русским поэтом.

Поэтом я не стал, об этом не жалею. Но точно знаю: моя учительница искала во мне не будущего поэта для Грузии, а готовила меня, чтобы я крепко ухватился за спасательный круг, который она собиралась бросить мне. Моё увлечение поэзией вовсе не радовало других учителей, никто не приветствовал моего поэтического дара, не хвалил меня; скорее это даже раздражало их, что я, мол, запускаю их уроки и задания. В журнале вдоль моей фамилии умножались двойки по химии, физике, математике, биологии и, конечно же, по русскому языку. Я тонул.

Иногда, когда у нас не было урока любимой учительницы, я, выходя из дома, садился в трамвай и весь день катался по городу. Возвращался домой вроде бы после уроков и, как заяц, держал ухо востро: не узнала ли мама о моём прогуле.

Что знала обо мне моя учительница?

Знала всё, что ей было необходимо знать: и то, что отец погиб на войне, и то, что мама у меня инвалид второй группы, и то, что есть у меня младшая сестрёнка… Знала, что думают обо мне другие учителя. Знала и то, чего я сам о себе не знал.

– Ты не поможешь мне отнести тетради домой? – спросила она у меня однажды. Я порадовался: конечно, помогу.

Мы шли вместе по тихой улице Казбеки, она спрашивала, что я сейчас читаю, не написал ли я новые стихи, не хочу ли я включиться в литературный кружок, в котором участвуют старшеклассники. Потом спрашивала об отце – кем он был, где погиб; спрашивала о маме… Так мы дошли до её дома и поднялись на второй этаж. Я думал, что она возьмёт у меня тетради, и я пойду домой. Но она пригласила войти в свою маленькую двухкомнатную квартиру. Мы знали, что она живёт вместе со своей сестрой, которая тоже была учительницей и работала в другой школе, и племянницей. Дома никого не было.

– Пообедаем вместе… – сказала она просто, как будто это обычно так и происходило.

Мне было неудобно, но бархатистый голос и улыбка пленили меня.

Мы поели суп с куском хлеба. Год ведь был 1945, люди

голодали. Она тоже голодала, и этот кусок хлеба мне достался от её дневной нормы, выдаваемой по карточкам.

Она поблагодарила, что помог ей донести тетради. Потом выбрала из книжного шкафа толстую книгу о грузинской литературе, сделала надпись и передала мне.

– Спасибо, Дейда Варо… – сказало моё сердце, переполненное чувством искренней любви к этой женщине.

На крыльях бежал я домой, и всё заглядывал в книгу, где её рукой было написано: «Моему талантливому ученику».

Она знала, как надо меня любить, чтобы спасти.

Думаю, моя мама в тот день впервые поверила, что её сын – способный, что не всё потеряно.

Момент истины

Вся предварительная работа сделана.

Она даёт на уроке всем творческое сочинение, сама уединяется у окна и открывает сборник стихов. Она не будет с недоверием ходить вдоль рядов и проверять, кто пишет, а кто – нет. Не будет зорко следить со своего наблюдательного пункта, не списывает ли кто. Каждый из нас в любой момент может подойти к ней и, шепча, посоветоваться. Если всё же возникнет необходимость самой подойти к кому-либо, она сделает это бесшумно, будет приближаться на цыпочках, чтобы не нарушить наше творческое горение. Она уважает наш творческий труд.

Я соображаю, как писать сочинение, какие мысли развивать, по какому плану. Начинаю писать, увлечён, погружаюсь в мысли. И не замечаю, как она, держа в руках книгу, приближается ко мне. И когда она наклонилась к моему уху, только тогда я взглянул ей в лицо.

На этот раз она не дарит мне мою любимую улыбку, лицо у неё грустное. Она наклоняется, приближаясь к моему лицу, так что её седые волосы касаются моей щеки. Я чувствую нежный запах духов. На ней кремовая шёлковая кофточка с перламутровыми пуговками. На кофточке – старинная серебряная брошь. Её глаза – ласково-грустные – вобрали меня в себя. Мне трудно выдерживать эту непонятную грусть. Опускаю голову. Её губы прикасаются к моему правому уху и посылают мне всю свою грусть и боль прямо в душу, прямо в сердце:

– Мальчик, – шепчет она, – мои пятёрки краснеют рядом с двойками… Как быть?..

Она знает, что после этого я сочинение дальше писать не смогу. Но на фоне того ожидания, что может произойти, разве это важно?

Как в педагогике назвать вот это действо – что это за приём, способ, метод, принцип?..

Нет этому названия.

Потому, спустя десятилетия, я назвал его моментом педагогической истины. В этих мгновениях, когда ученик души не чает в учителе, а мудрость учителя чувствует, что именно сейчас, не раньше, не позже, нужно помочь ученику выправить путь, может произойти воспитательное чудо. Момент педагогической истины состоит из встречи двух его составных: первое – само предчувствие наступления этого мгновения, второе – искусство воспользоваться мгновением. Вне этого мгновения искусство может быть бесполезным, без искусства мгновение унесёт

водопад времени без всякого следа.

Она не ждёт от меня ответа, так же бесшумно возвращается к окну, но книгу уже не читает, смотрит в небо, может быть, молится в душе.

А в душе моей происходит взрыв.

Я закрываю голову руками и начинаю тихо плакать, чтобы рядом сидящий не догадался, в чём дело.

Пятёрки моей учительницы краснеют рядом с двойками.

Дело не в пятёрках, а в том, что в них любовь моей учительницы ко мне. А эти двойки могут навредить этой, – самой дорогой, что мне досталось за последние месяцы, – Любви!

Я причиняю учительнице боль – и мне больно от этого.

Мне стыдно перед Дейда Варо, потому что ей стыдно за меня.

Что нужно делать, чтобы пятёрки не краснели, чтобы уберечь Любовь любимого учителя ко мне?

Надо уничтожить эти двойки.

Моё сознание меняется, чувствую суровость долга перед погибшим отцом, перед больной матерью, перед Дейда Варо.

Меняется моё сознание, и оно меняют мою жизнь. Начинаю применять те усилия, которые соизмеримы с принципом:

тебе, утопающему, подали спасательный круг – Любовь, береги её сейчас.

Я доказываю, внушаю самому себе, что во мне есть способности, и всё в моих руках.

Я внимателен на всех уроках, многое не понимаю, потому начинаю приставать к учителям, чтобы объяснили дополнительно, прошу друзей-одноклассников, продвинутых в науках, чтобы помогли мне. Но так как многое сразу понять не могу, то зазубриваю формулы и параграфы. Только вот проблема с учителем русского языка: она не хочет видеть мои старания. Мама моего друга, узнав о моей беспомощности в русском, сама предложила помощь – помогала понимать тексты, выполнять грамматические упражнения.

Спустя два-три месяца моя школьная погода чуточку прояснилась: двойки потеснились, появились тройки, иногда даже четвёрки и пятёрки.

Моя любимая учительница следит, как я преуспеваю, и радуется, улыбается, поощряет.

А однажды просит меня сопровождать её на спектакль в театр Руставели. У меня, говорит, два билета, племянница моя не может пойти со мной, у неё занятие по музыке, может быть, ты пойдёшь со мной?

В тот вечер я был самым нарядным в жизни и учился быть элегантным.

Героическая Любовь

Если кто-то спросил бы в те суровые сороковые годы у Варвары Вардиашвили, как она любит детей, я уверен, она бы не ответила так: «Очень люблю». Она просто улыбнулась бы и пожала плечами.

Но она любила своих учеников героически.

Перескажу эту историю ещё раз, чтобы самому разобраться в сути Героической Любви Учителя.

В день первого сентября восьмого класса она сказала нам:

– Может быть, это будет нелегко, но пусть каждый достанет поэму Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре».

Достать книгу Руставели в то время было действительно трудно. Я обошёл всех соседей, мама ходила к знакомым, и когда я уже отчаялся, ко мне пришёл одноклассник и сказал, что он достал сразу два экземпляра и один может дать мне.

Книгу я тут же начал листать, вычитывать отдельные главы. На следующем уроке наша учительница с интересом выслушивала каждого, какими похождениями, где, у кого обнаружил, достал поэму Руставели, какого года издания книга, под редакцией кого и т. д., а потом предложила написать об этом.

– Давайте не забудем, с каким трудом каждый из вас добывал «Витязя в тигровой шкуре»…

А дальше произошло следующее: в течение всего года, – а это был 1946–1947 учебный год, мы изучали поэму. Читали, перечитывали, размышляли, исследовали, заучивали наизусть некоторые главы, писали сочинения, эссе, доклады, выписывали мудрости, осмысливали духовно-нравственный облик героев, пытались разобраться в философии Руставели.

В общем, класс наш превратился в творческую лабораторию, и каждый из нас стал руставеловедом. Уроки по Руставели не имели никакого штампа, они не были похожи ни на какие другие уроки. Мы спешили на них и многое делали после уроков. Мы жили поэмой, мыслями гениального поэта, жизнью её героев. Мы гордились, что у грузин есть «Витязь в тигровой шкуре».

В чём же проявилась Героическая Любовь Учителя к нам?

Вот в чём. В восьмом классе, как я потом разобрался, будучи уже аспирантом, нам следовало изучать литературные произведения о партии, о вождях, о социалистическом реализме. Тогдашние школьные программы были вроде партийных документов, и отходить от них ни один учитель не имел права. Такие деяния были связаны с большими опасностями. Если в партийных органах узнали бы, чем с нами занимается наша

учительница, её моментально не стало бы в школе, она просто исчезла бы, и не уберегли бы её от беды ни два ордена Ленина, ни звание заслуженного учителя. Партия не шутила с такими проявлениями.

Зачем же Варвара Вардиашвили это сделала? Только спустя десятилетия я открыл для себя эту тайну. Она имеет несколько составных.

Во-первых, она воспитывала нас героями, потому нужно было ей самой свершить героический поступок и оставить его в нашей памяти. Она знала, что добрая память есть пожизненный воспитатель для человека.

Во-вторых, «Витязь в тигровой шкуре» можно рассматривать как Пятое Евангелие для грузин. Поэма несёт народу духовно-нравственный кодекс жизни. В ней синтезируются: вера в Творца, культ возвышенной Любви, культ Преданности, культ Рыцарства, культ Правды, культ Добра. Грузин, воспитанный и пропитанный идеями поэмы, будет иметь расширенное от Земли до Небес сознание, он не допустит в себе зла и предательства, его отношение к женщине будет трепетным, он будет искать в себе лучшие качества человечности.

В-третьих, он поймёт, наследником какой возвышенной культуры он является, убережёт и умножит эту культуру, будет нести её в дар другим народам. Пусть гордится он, что его Родина есть Родина Руставели – всемирного гения.

В-четвёртых, «Витязь в тигровой шкуре» наполняет сердце и разум читателя изысканной мудростью, делает его умным, заботливым, честным, смелым, помогает ему развить в себе возвышенные мировоззренческие начала.

Это и было высшим проявлением Великой Героической Любви Учителя к своим ученикам.

И когда некий современный учитель скажет: «Детей-то люблю, но трогать программу (конечно, когда её действительно надо менять) мне не позволят», я вспоминаю свою учительницу, и мне становится грустно. Трусливый учитель детей любить не может, ибо он бросит их при любой опасности, он предаст их. Любовь его будет ложью, а дети чуют ложь, фальшь в деяниях своих учителей. Не полюбят они такого учителя.

Тетрадь для математики и стихов

Влияние Варвары Вардиашвили на всех моих одноклассников было велико – мы облагораживались. Но влияли на нас и другие учителя, большинство из которых следовали силовым подходам, приказам и принуждениям. После того как мы познали учительскую любовь и одухотворяющее общение, уроки других учителей и общение с нами вызывало в нас большее раздражение. Потому ребята часто удирали с уроков, срывали уроки. Под влиянием «Витязя в тигровой шкуре» я даже написал целую поэму – «Хвала шатало» (шатало – от русского шататься; этот жаргон обозначал бегство с уроков). Одноклассники позаботились размножить рукописный вариант, и поэма распространилась по всей школе, читали её ученики с седьмого по одиннадцатый класс, смеялись, веселились. Она вдохновляла многих тоже ходить на шатало. Учителя знали кое-что о моём произведении, но никто им его не показывал, ибо это было опасно: в нём некоторые учителя высмеивались.

Однажды Дейда Варо подозвала меня к себе и спросила:

– Ты от меня что-то скрываешь?

Я покраснел.

– Завтра я вам передам… – сказал я.

В ту ночь я и мои друзья очень постарались: на пишущей машинке отпечатали всю поэму (она была длинная, из десяти историй), сделали несколько рисунков, сшили как подобает книге, и на следующее утро наша группа (автор, редактор, художник, корректор) преподнесла её учительнице. Она поэму никому из учителей не показала. Но, как я узнал потом, на педсовете велось обсуждение того, как пресечь бегство учеников с уроков. Многие предлагали ужесточить меры, наказывать организаторов, кого-то исключить из комсомола (напугать, во всяком случае, исключением из организации), созвать родительские собрания и потребовать от них следить за своими детьми.

А кто были родители?

В основном, мамы и бабушки, ибо папы или погибли на фронте, или ещё не вернулись с войны, или вернулись инвалидами. До нас дошли слухи о том, как Варвара Вардиашвили и ещё двое учителей защищали нас и советовали коллегам изменить отношение к своим ученикам, подумать, как изгнать скуку с уроков. Но тогда эти идеи считались непедагогичными.

В моей жизни в восьмом классе произошло ещё одно

радостное событие. К нам пришла новая учительница математики. Она была старая и давно работала в школе, но пришла в наш класс после того, как предыдущий не смог взять нас в руки и покинул школу. А его заменила прославленная учительница Тамара Казахашвили. Нам было известно, что Варвара Вардиашвили и Тамара Казахашвили дружат друг с другом.

Потому наша любовь к Дейда Варо распространилась и на учителя математики. А событием в моей жизни было то, что математика вдруг стала мне доступна, и я даже сделал доклад по иррациональным числам. Я завёл тетрадь «для математики и стихов». А учительница похвалила меня. «Как интересно править твою тетрадь, – сказала она мне, – такое впервые в моей жизни». Я научился решать задачи и примеры, и появились первые пятёрки по математике. Год тому назад об этом я и мечтать не мог.

Люби ближнего своего как себя самого

На уроках любимого учителя мы обсуждали такие произведения и таким способом, что менялось наше отношение к самим себе и окружающим. При этом всё строилось на основе идей «Витязя в тигровой шкуре»; эта поэма была опорой для наших духовно-нравственных исканий. И в классе происходили изменения – они происходили медленно, но были заметны: самые отчаянные – успокаивались, отстающие – подтягивались, грубияны становились мягче.

В девятом, десятом, одиннадцатом классах мы поднялись до такого уровня, что нас хвалили и нам удивлялись. Отношения с учителями пошли на лад.

Думаю, особую роль в этом сыграли доверительные разговоры Дейда Варо с нами. С одной стороны, она, наверное, хотела донести до нас христианскую заповедь: «Люби ближнего своего как себя самого». С другой же, как будто к слову, она то и дело рассказывала нам о судьбе некоторых наших учителей, с которыми мы постоянно конфликтовали и которые не могли поступиться традиционно закреплёнными принципами авторитаризма. Она знала, что учителя эти не изменятся, значит, надо было изменить наше отношение к ним.

Она заговорила с нами об учительнице логики и психологии, которую мы звали «Колдуньей». Боялись и злили её. Иногда она выбегала из класса не в себе. Мы узнали, что в тридцатых годах «Колдунью» с мужем и сыном репрессировали, направили в разные колонии. Она в течение пяти лет не знала о муже и о сыне ничего. Была на грани самоубийства. Перед началом войны её освободили. Долгое время была безработной. Наконец приняли в нашу школу учителем логики и психологии, а по специальности она географ. Но смогла освоить новые науки и стала прекрасным специалистом. Два года тому назад узнала, что мужа расстреляли. А насчёт сына пока никаких известий. Она одна. Единственное утешение для неё – это школа. В ней много мудрости и любви, но она не может их проявить…

Рассказ этот задел нас. Мы задали Дейда Варо много вопросов, и она попросила нас: берегите её, помогите ей, дайте ей почувствовать, что вы любите её.

Наше отношение к учительнице логики и психологии изменилось: слушали внимательно, учились усердно, задавали вопросы, относились с сочувствием и уважением. В общем,

проявляли к ней внимание и любовь. Вначале она не понимала, что происходит, оставалась враждебной и недоверчивой. Но со временем она просветлела, улыбнулась. А однажды, рассказывая на уроке психологии о памяти, она вдруг остановилась, села на стул, закрыла лицо руками и заплакала. Мы молча окружили её, кто-то обнял её за вздрагивающие худые плечики и сказал с сочувствием: «Не плачьте, пожалуйста…» Спустя несколько минут она взяла себя в руки, взглянула на нас глазами, полными слёз, и мы увидели беспомощного человека, вынашивающего в себе тяжёлое горе. Может быть, именно тогда многие из нас впервые испытали человеческую жалость, рождающую любовь. Она вцепилась обеими руками в руки того, кто обнимал её за плечи, и прижала их к губам, целуя и приговаривая: «Ему, моему сыну, было всего семнадцать лет… Он не был ни в чём виноват, просто был талантливым, как вы… Простите…» И, не дождавшись звонка, вышла из класса.

Мы полюбили её вместе с её горем и вызвали в ней ответную любовь и доверие к нам. Мы многому научились у неё на уроках психологии и логики.

Мы облагораживаем учителя физики

Однажды на уроке литературы мы заговорили о романе, который посоветовала прочитать наша учительница. В нём речь шла о герое несправедливом и жестоком. «Как наш физик», – сказал кто-то.

Физик вызывал в нас раздражение и злобу. Человек немолодой, воображавший себя известным учёным, просто издевался над нами. Принципиально никому не ставил пятёрку. «Пятёрка – это мне, – говорил он, – другие же отметки – вам». Ему жалко было и четвёрки ставить. Потому много было в классе троечников и двоечников. Нас возмущали его грубость, насмешки и угрозы. Потому не раз бойкотировали его уроки, мешали ему на уроке, конфликтовали с ним. А он, вместо того чтобы разобраться, почему мы так себя ведём, ужесточал меры, наказывал двойками и угрожал, что каждому испортит аттестат.

Как быть с таким учителем?

Дейда Варо не учила нас жаловаться и не упражняла в написании жалоб и доносов. Это было не в традициях «Витязя в тигровой шкуре». Она пропустила мимо ушей сравнение героя романа с учителем физики и предложила такую творческую работу: написать вместо писателя главу в романе и показать, как злой и несправедливый герой всё же принёс какую-то пользу окружающим. «Подумайте, какая такая сила могла принудить его проявить благородство, понимание». Она озадачила нас – если есть такая сила, то надо применить её в отношении физика. Наши варианты главы романа оказались весьма интересными, и писатель, надо полагать, выбрал бы один из них как завершающую часть. Но более важно было то, что мы уже поняли, как быть с физиком. Пусть он будет таким, какой он есть, а мы все вместе окружим его доброжелательностью, уважением, вниманием, улыбками, да ещё будем изучать физику по мере всех своих возможностей, помогая друг другу; кто-то пусть пойдёт дальше и будет читать дополнительную литературу, будет задавать ему вопросы о проблемах физики и обсуждать их…

Мы сдержали наш уговор, и спустя пару месяцев произошло то, чего и ждали: физик успокоился, признал наши знания, оценил наши к нему отношения, стал сдержанным. Он не говорил об этих вещах, он просто двигался нам навстречу, а мы были готовы принять его облагороженным. Нам самим нравился наш опыт, в котором и мы облагораживались.

И вот произошёл случай, который дал учителю возможность подружиться с нами. После разбора одной физической

проблемы, – была она связана с атомной энергией, – он увидел, что некоторые из нас хорошо подкованы по физике. «Молодцы», – вырвалось у него. Тогда один наш товарищ встал и предложил ему следующее: «Уважаемый учитель, мы признаём ваши глубокие знания и научные открытия в физике. Потому решили учредить ещё две высшие отметки – шесть и семь. Отметку семь мы ставим Ньютону, шесть, безусловно, вам, а нам пусть достанутся пятёрки и четвёрки. Нам ещё далеко до вас…» Было сказано это в шутливой форме, мы засмеялись, учитель – тоже. «Ладно, – сказал он, – пусть будет по-вашему».

Так разом повысились отметки по физике.

В девятом и десятом классах мне доставались четвёрки, а в одиннадцатом – пятёрки.

От злобы учителя меня спасает шпаргалка

Оставалась проблема с учительницей русского языка и литературы. Сколько хорошего она могла бы для нас сделать – дать нам заговорить на русском языке, прильнуть к богатейшей русской поэзии и прозе. Владея грузинской литературой, мы могли бы проводить весьма познавательные параллели. Но она этого не сделала. Она, классная руководительница, не любила нас, не любила детей.

Некоторые мои товарищи, благодаря семейным условиям, владели русской речью, читали свободно. Остальным надо было спасаться самим, и каждый из нас искал выход.

Для меня это был путь зубрёжки и списывания. Я с трудом продвигался, но двойки ставить мне уже было невозможно, тройки – да. Редко я получал четвёрку, и тогда у меня был праздник.

Так я пришёл к выпускным экзаменам.

Как же я сдам письменную работу? Она знала это и грозилась: «Твои пятёрки плакать будут перед моей отметкой». Я же ей никогда ничего плохого не делал? Я не злил её, не конфликтовал с ней. Ну, ходил на шатало со всем классом. Но разве это был повод, чтобы таить злобу к какому-либо ученику? Сказать, что она мстила мне, было бы неправильно: за что мстить, когда не было никакого повода! Получается, что она была просто злая и находила удовольствие в том, что издевалась над кем-нибудь. Разумеется, не только надо мной!

Накануне экзамена, ни на что не надеясь, я пошёл к своему другу, который прекрасно владел русским языком, чтобы он помог мне чем-нибудь. И он действительно помог. «Вот тебе шпаргалка, – сказал он, – завтра на экзамене будет тема о молодогвардейцах. Спиши, и получишь пятёрку».

Откуда он знал об этой министерской тайне? От дяди, который работал в министерстве просвещения.

Всю ночь я зубрил шпаргалку. Переписал её несколько раз. Упражнялся в письме наизусть. Тщательно следил за правописанием, за пунктуацией. На утро весь текст шпаргалки лежал у меня в голове. Если бы на экзамене пришедшие из министерства не объявили бы эту тему, я всё равно написал бы то, что зубрил всю ночь.

Но вот радость: чиновник с важным видом открывает засекреченный и сургучом скреплённый пакет, достаёт лист

бумаги с названием экзаменационной темы, и учительница наша пишет её на доске. Тема слово в слово совпадает с темой моей шпаргалки. Сейчас мне нужно было только одно: спокойно списать с головы, не ошибиться. Я и приступил к этому делу.

Учительница, стало быть, должна радоваться, что я пишу. Но нет. Она подходит ко мне, стоит над головой и наблюдает, как я красиво сажаю буквы и складываю слова.

– Покажи руки! – говорит она мне.

Показываю. В руках у меня ничего нет.

– Встань, выходи из-за парты…

Она заглядывает под парту, ищет шпаргалку, но не находит, ибо она у меня в голове.

– Садись, продолжай писать…

Сажусь и продолжаю списывать с головы.

Она недовольна. Идёт к представителю министерства.

– Он пишет… – говорит она ему.

То есть, она, – учительница, занимающаяся с нами шесть лет, классная руководительница за всё это время, – доносит на меня чужому человеку, наделённому властью. Почему она это делает? После экзамена мы с ней, по всей вероятности, разойдёмся навсегда. Плохо, конечно, списывать, но если это для меня последняя возможность, если со списыванием связана моя судьба, если никому нет вреда от этого, и если формальность тоже соблюдена, – то неужели учитель не посочувствует своему ученику? Это же предательство, что она сейчас доносит на меня?

Инспектор из министерства говорит ей:

– Это кто, он? – и смотрит в мою сторону, – Пусть пишет!

– Но это невозможно… Он не знает…

– Пишет же?

– Списывает…

Тогда этот чужой человек подходит к мне и долго наблюдает, как я пишу. Видит, шпаргалки нигде нет. Улыбается мне, пиши, говорит, и отходит.

Хотя потом она долго убеждала членов экзаменационной комиссии, что я и слово без ошибки написать не могу, но в моей работе не была обнаружена ни одна ошибка, а содержательно сочинение тоже было хорошее. Потому комиссия была вынуждена поставить пять.

Так я окончил школу на золотую медаль.

Из двадцати шести одноклассников золотые и серебряные медали получили восемнадцать выпускников. И пусть никто в этом не ищет других причин, кроме двух: первая – талант наш, вторая – талант Дейда Варо. Не надо быть ясновидящим, чтобы узреть: что с нами могло случиться, если бы не подоспела

Великая Учительская Любовь.

А что стало с золотой медалью?

Стоит сказать, в чём она мне пригодилась.

Медаль была действительно золотая, весом 18,5 граммов. В 1950 году государство не скупилось выдавать отличившимся школьникам слитки чистого золота в виде медалей.

В 1962 году я выбрал свою спутницу жизни. К свадьбе надо было ей преподнести подарок. Но у нас дома никаких драгоценностей не было, и денег не было, чтобы что-то купить в ювелирном магазине. Тогда я вспомнил, что у меня есть золотая медаль. Мы с мамой отнесли медаль ювелиру и попросили сделать из неё браслет. Получилась изящное украшение.

Моя избранница осталась довольна. Только долгие годы я не открывал ей тайну, где моя школьная золотая медаль.

Я студент востоковедческого факультета

Нужны серьёзные исследования, почему молодые люди выбирают педагогические факультеты. Объяснения могут быть разные: нравится; видит перспективу для карьеры; семья традиционно педагогическая; был любимый учитель; не было другого выхода и т. д.

Но если молодой человек скажет, что любит детей и потому выбирает педагогическую профессию, надо полагать, что он знает, на что идет. Любовь к детям самый убедительный повод для выбора педагогической профессии. Молодой человек выбирает в педагогическом университете факультет физики или истории. Он что, любит саму физику или историю? Или хочет стать именно учителем физики или химии, потому что ему нравится сам процесс «преподавания» этого предмета? Или же потому, что любовь к детям лучше всего может проявиться через «преподавание» того или иного предмета? Как отразилось это внутреннее призвание быть педагогом, учителем в его школьной жизни?

Педагогическую профессию я выбирать не собирался.

Пройдя через руки своих учителей, как я мог воодушевиться и поспешить в педагогический университет! Такого я не мог допустить даже в кошмарном сне. Я хотел стать журналистом: писать умел, был начитанным, уже печатал стихи и статьи в детских и юношеских изданиях. Все принимали мой выбор как правильный и хороший – и друзья, и мама, и Дейда Варо.

В школе задержали выдачу аттестатов на два дня. Как только я получил его, поспешил в Тбилисский государственный университет и подал документы на факультет журналистики. Вернулся домой счастливый: я зачислен без экзаменов. Но на другой день радость моя омрачилась: из приёмной комиссии университета пришли ко мне домой и сообщили, что мои документы были приняты ошибочно, ибо места, выделенные для медалистов, были уже заполнены. Можно подать документы на другой факультет.

И вот стою я в огромном холле Тбилисского университета, растерянный, озабоченный. Что делать, на какой факультет поступать? Нет у меня советников, а решать самому трудно.

Подходит ко мне мой одноклассник. Узнаёт моё положение и говорит:

– Чего себя мучаешь? Журналистом можешь и без факультета

журналистики стать. А вот есть факультет востоковедения, я только что подал заявление в группу иранской

филологии. Ты тоже туда подавай, пока есть места, приём ограничен.

– Что это за факультет, – спрашиваю, – впервые слышу.

Он объясняет, что это вроде дипломатический, изучаются история и языки Востока.

Недолго думая, я подошёл к форточке востоковедческого факультета и подал документы по специальности История Ирана. Меня приняли. В группе нас было семь человек. И было это в 1950 году.

На первом курсе, в течение года я изучил персидский язык до того уровня, что мог свободно общаться, выступать с речью, переводить на грузинский язык стихи Омара Хайяма.

Значит, у меня были языковые способности. Почему не воспользовались этим мои школьные учителя русского и английского языков?

Зигзаги судьбы

В те далекие годы мне не приходила мысль о том, что каждый человек, в том числе и я, имеет своё предназначение, свою миссию, что внутренняя сила (назовем ее Судьба) будет неумолимо направлять человека и поможет ему рано или поздно раскрыть смысл своей жизни, понять то, ради чего рождён он на Земле.

Судьба моя тогда знала, что я не буду ни журналистом, ни историком Ирана, ни переводчиком с персидского, ни дипломатом. Она знала, что я рождён быть учителем и обречен всю жизнь любить детей. Хотя тогда я мог кому угодно твердить, что не люблю педагогическую профессию, но сопротивляться судьбе тоже не мог, потому что сама жизнь принуждала подчиниться её воле.

С первого курса я понимал, что обязан как-то помогать матери. И хотя всю свою стипендию я приносил домой, но все равно чувствовал, что этого было мало. Как сделать, чтобы я учился в университете и зарабатывал для семьи?

И вот нам объявили, что со второго курса лекции будут проводиться в вечернее время из-за нехватки аудиторий. Я воспользовался этим и обратился в райком комсомола с просьбой дать мне какую-нибудь работу.

– Какую? – спросили меня.

– Какая есть… Можно рабочим… – ответил я.

Тогда заведующий отделом, – она оказалась нашей соседкой, – посмотрела список рабочих вакансий и сказала мне:

– Пионервожатым будешь?

– А какая будет зарплата? – спросил я. Для меня было не важно, кем работать, лишь бы иметь дополнительно тридцать-сорок рублей в месяц. А когда она сказала, что зарплата будет сорок пять, я сразу согласился.

Директор школы, куда меня направили, увидев меня, иронически усмехнулся и отрезал:

– Я тебя не приму… Ты сам выглядишь пионером, кто тебя слушать будет?

Я вернулся в райком комсомола сконфуженный и огорчённый.

– Не волнуйся, – улыбнувшись мне сказала заведующая отделом, – освободилось место пионервожатого в другой школе… Дерзай!

Хотел отказаться, но вспомнил о зарплате, о маме, которая едва сводила концы с концами. Взял направление, и только выйдя

на улицу, посмотрел, какая это школа… Это моя школа, школа, которую я окончил год тому назад!

С большой неохотой пришёл я в школу, не зная, как меня примут. Но директор, увидев меня настороженного и взволнованного и взяв направление, улыбнулся и радушно произнёс:

– Не волнуйся, мы примем тебя, ты справишься, а мы поможем…

Так судьба зигзагами по жизненному пути привела меня в школу.

Я ещё не знал, что меня ждёт.

Был конец августа 1952 года.

В сердце моём просыпается семя предназначения

Скажу честно, я пришёл тогда в школу не для того, чтобы сделать её смыслом своей жизни, но твердо знал одно: надо работать честно.

Школа большая, пионеров – более восемьсот, целая армия. И вообразив себя генералом, повязав на шею вместо погон пионерский галстук, я начал управлять организацией так, как инструктировали меня в райкоме комсомола и на специальных курсах. Но вскоре понял, что общаться с детьми с начальственных позиций нельзя. Как нельзя формализовать их общественную жизнь, ограничив ее заниматься составлением альбомов, выпуском газет, проведением сборов и заседаний, составлением отчётов, организацией борьбы с двоечниками.

Дейда Варо, для которой я стал коллегой, дала мне мудрое напутствие: «Полюби детей, подружись с ними, помоги им и защити каждого. Вспомни, о чем ты мечтал в их возрасте, чего тебе не хватало в школе». Это было то, чем она руководствовалась сама, воспитывая меня и моих одноклассников.

И в школе скоро закипела интересная пионерская жизнь.

Было всё: походы с кострами, игры, труд, олимпиады, спартакиады, обсуждения, встречи, утренники, тимуровская деятельность, забота об исторических памятниках, постановка спектаклей, бальные танцы, сбор макулатуры. Я прочитал томик Антона Семёновича Макаренко и воспользовался его принципами о параллельных и перспективных линиях.

Но вспоминая сегодня те годы, я понимаю, что была у меня тогда ещё одна работа, которая двигала всё это. Она была внешне невидимая, не отражалась в планах. Это суть ее определила Дейда Варо: полюби, подружись, помоги, защити. Я усердно следовал этим наставлениям, хотя с большими усилиями: нужны были терпение, мудрость, понимание, искусство общения… А во мне всего этого так не хватало. И я стал воспитывать себя,

создавать в себе то, что требовалось. Я создавал в себе облик воспитателя-друга детей и старался выдерживать его в повседневной жизни. Постепенно увидел, что дети потянулись ко мне, стали относиться с доверием.

От кого мне приходилось защищать детей?

От агрессии взрослых – иногда от собственных родителей, иногда от своих учителей.

Какая нужна была детям помощь?

Чтобы они разобрались в себе, чтобы поверили в свои силы и свои способности, чтобы умели налаживать отношения…

Но я был всего лишь студентом второго курса, да и не педагогического, а востоковедческого факультета. А мне нужны были и опыт, и специальные знания. Не хватало ни того, ни другого.

Читал педагогические книги, но многие из них были да леки от того, что волновало и заботило меня. Опыт черпал из своих проб и ошибок, из своих школьных воспоминаний и переживаний. А также, когда всё это не помогало, я принуждал своё сердце и разум, чтобы они подсказали мне правильные решение воспитательных задач.

Меня вызывает к себе учительница химии (та самая, которая дала мне когда-то переэкзаменовку) и обличает мальчика:

– Ты же пионервожатый, забери его и накажи за хамство, исключи из пионерской организации. Я его на свои уроки не допущу… – такое задание она даёт мне в приказном тоне. Она озлоблена, кричит: – Что я предприму? Мне нужна мудрость, а не судейство…

Проходит по коридору мальчик, на лице ссадины, синяки, глаза красные. Забираю его в пионерскую комнату.

– Что случилось?

Он ни с кем не подрался, не ушибся. Откуда ссадины, зачем глаза красные?

Мальчик доверяется: папа его избил, родной отец погнался вчера за ним и избил.

– Из-за чего? – спрашиваю.

– Из-за двойки по русскому языку…

– А учитель кто?

Та же самая, что донесла на меня инспектору на экзамене.

Как сделать, чтобы ту же самую дружбу, что я ищу в этом мальчике, отец тоже поискал?

Как сделать, чтобы мальчик не стал очередной жертвой той злобной учительницы русского языка?..

На улице встречаю группу девочек-шестиклассниц (в 1952 году мужские и женские школы были объединены), их четверо.

Ясное дело – сбежали с уроков. Увидев меня, попытались скрыться. Но уже поздно. Подходят ко мне.

– Вы никому не скажете? – спрашивают.

– Нет, – говорю, – но почему вы не в школе?

– У нас контрольная, а мы не готовы…

Конечно, никому не скажу, и девочек не буду гнать обратно в школу.

Получится ли воспитание, если я им сейчас прочитаю нотацию, что так вести себя нельзя? Ведь сам я не раз удирал с контрольных.

Правильно ли я сейчас поступлю, если приглашу их в кафе, которое рядом, и угощу мороженым? Не знаю, но поступаю именно так.

На педсовете обсуждается ребром поставленный вопрос: «Или я, или он». Пятиклассник с мамой стоят в углу большой учительской как у позорного столба. Мама плачет и всех умоляет:

– Трое детей, муж погиб… Пощадите… Обещаю, я его строго накажу… Больше не посмеет грубить учителю…

Но учительница стоит на своём:

– Я его обратно в класс не приму…

Это та учительница, которой я когда-то на «здравствуйте» ответил «драптуните». Мальчик – жертва учителя. Встаю и заявляю:

– Мальчик – пионер, беру его под свою опеку…

Но учительница обрывает меня:

– Тебе самому нужен опекун…

Что мне ответить заслуженному учителю, автору учебников?

Но я твердо стою на своем и мальчик остается в школе.

Так я расту в своей же школе уже не как ученик, а как коллега своих бывших учителей. Пока многие из них не признают во вчерашнем ученике коллегу, а я как росток свободолюбивого дерева пробиваюсь под асфальтом, варюсь в собственном соку.

Мечты мои о дипломатической службе, о журналистской деятельности постепенно блекнут, они уже не манят меня, я забываю о них. В сердце моём просыпается семя предназначения, незаметно пробивается и завладевает всей моей сущностью. Чувствую, что пришёл в школу к детям на всю жизнь.

Так я думал в конце 50-х годов

Я закончил университет с красным дипломом, и меня пригласили поступить в аспирантуру по истории Ирана, пригласили ещё работать в КГБ на какую-то тёмную должность. Но я чётко определился: далеко от детей не уйду. Знания по педагогике и психологии – вот что мне нужно было. Где я могу их получить? Есть Институт педагогики имени Якова Семёновича Гогебашвили, совсем близко от моей школы. В том же здании обитает Институт психологии имени Дмитрия Николаевича Узнадзе. Я поступаю в аспирантуру по педагогике, а в школе я уже учитель истории, успев уже побывать учителем труда, литературы. После уроков я занимаюсь в научно-педагогической библиотеке, которая тоже носит имя Я.С. Гогебашвили. Здесь много важных книг, а мой профессор, известный специалист по Коменскому, Ушинскому и Гогебашвили, сказал мне:

– Изучай классическую педагогику.

Я читаю жадно, с упоением: Квинтилиана, Коменского, Локка, Руссо, Песталоцци, Дистервега, Ушинского, Пирогова, Гогебашвили, Макаренко… Делаю выписки – их становится более двух тысяч. В моём воображении складывается изумительный Храм Образования, в нём царствуют Вера, Надежда, Любовь, Мысль, Свобода, Совершенствование, Устремление, Благородство, Преданность. Но Любовь – матерь всех остальных.

Я ещё не знаю имени Януша Корчака и имени Василия Александровича Сухомлинского. Не знаю, как видят мир Владимир Иванович Вернадский, Дмитрий Сергеевич Лихачёв. Я ещё не читал Новый Завет и не знаю основ Мировых Религий. Мне ещё никто не говорил о Николае Бердяеве, о Павле Флоренском, об Иване Ильине. Вот прибудут они, и мой Храм будет освещён. А пока я восхищён тем, что у меня уже есть. Надо сделать так, чтобы все школы мира разместились в этом Храме, чтобы все они были пропитаны мыслями, которые я выписываю из этих живых источников.

Потом я читаю учебники по педагогике, чтобы готовиться к сдаче кандидатских экзаменов. Читаю труды советских учёных-педагогов, осваиваю советскую педагогическую теорию… И мне кажется, что падаю из небесной высоты куполов моего Храма, и вот-вот моё сознание разобьётся о камни авторитаризма, о монолит материалистической идеологии.

Я в отчаянии.

Спешу к своему профессору с просьбой помочь разобраться: в чём разница между Небом и Землёю. Он мне говорит о

материализме и о том, что классики не могли подняться до марксистского понимания педагогики.

Получается, что не Небо над Землёю, а Земля над Небом?

Но для меня всё складывается иначе: Земля принадлежит Небу, она с ним единое целое; она, также как все небесные тела, есть проявление Беспредельности Неба.

Дух и Материя – тоже единое целое. Дух проявляется через Материю.

Сознание должно иметь в виду эту целостность Неба и Земли, Духа и Материи. Отрывать их друг от друга – значит исказить реальную картину мира. Это будет означать и искажение педагогического сознания. И мы уже получили такое сознание; с помощью тысяч и тысяч учителей, воспитателей, миллионов взрослых оно упорно утверждает авторитаризм и бездуховность в воспитании детей. Я, будучи школьником, испытал на себе колючки этой педагогики. А теперь их испытывают миллионы детей. Счастье, если в каждой школе есть хоть три, хоть два, пусть хоть один посланник Небес вроде Дейда Варо; они спасут многих, которых губят другие. Губят не столько по злости, сколько по причине невежества.

Так я думал тогда – в конце 50-х годов.

Дети призывают меня отходить от авторитаризма

Моим ученикам-восьмиклассникам нравились мои уроки истории. Я старался создавать в их воображении голограммные картины исторических событий, делать их соучастниками этих событий, действовать с ними по принципу свободной воли, но думая о будущем, и понять, как могло бы оно измениться. Это вызывало более глубокое обсуждение исторических фактов и действующих в них закономерностей. Что касается отметок, я доверил им самим оценивать себя и ставить те отметки, которые, по их мнению, они заслуживали. Отметки ставили они сами и в журнале, и в дневниках. Общение моё с ними было непосредственное, дружеское. Они доверяли мне, а я – им. Я старался на каждом уроке выдерживать классические нормы проявления своей любви к ним.

Но однажды я решил испытать советскую дидактику. Пришёл на урок, окинул своих учеников строгим взглядом и сказал: «Здравствуйте, садитесь» и тут же: «Что было вам задано?» Потом произнёс испытующе: «К доске пойдёт…» Выдержал паузу и назвал одного из них равнодушным голосом.

А вызвал самого продвинутого историка.

– Начинай… – сказал я мальчику.

– Что начинать? – спросил мальчик.

– Изложи параграф, который был задан…

Он пересказал содержание параграфа и хотел дать свои комментарии к событиям. Но я при каждой такой попытке прерывал его и призывал придерживаться учебника.

Дальше начал задавать хитрые вопросы по всем правилам методических предписаний. Он не смог дать те штампы ответов, которые требовались. Я поставил ему три в журнале и дневнике. Класс был в недоумении: от меня такого не ожидали. Далее я объяснил (пересказал) следующий параграф, закрепил его вопросами, задал домашнее задание, и в это время зазвенел звонок.

Любой методист сказал бы мне: «Молодец, учитель, хороший урок».

Но так не сказали дети.

В коридоре меня догнали девочки, отвели в сторонку и спросили с сочувствием:

– Вам сегодня плохо?

– С чего вы взяли? – удивился я.

– Урок же был не тот…

– Вам не понравился урок?

– Как может такой урок понравиться? Он никому не понравился…

– А другие учителя разве не так проводят уроки?

– Да, но вы же не так…

– И что же, по-вашему, я должен делать?

– Будьте таким, каким были, а то мы разлюбим вас…

Они действительно здорово меня напугали: разлюбят меня! Значит, любят, но могут разлюбить!

Так дети оценили советскую, а точнее, авторитарную педагогику и призвали меня отойти от неё, не приближаться к ней.

«Любите нас по-прежнему, по-голограммному», – говорили глаза девочек.

Идеи из будущего

Каждый параграф трудов Яна Амоса Коменского вызывал во мне восторг. Выписывал цитаты и размышлял над ними. Надо же, XVII век, а мысли-то какие! Именно тогда, в аспирантуре, чтение классиков привело меня к странному ощущению того, что читаю книги, посланные из будущего. Это будущее может стать настоящим настолько, насколько мы этого захотим. Интересно, как отнесутся учителя моей школы к идеям великого педагога?

Из цитат классика я сделал четыре больших красочных плаката. Я привлёк к оформлению плакатов нескольких талантливых детей-художников. Почитав цитаты и узнав о моих намерениях, юные художники загорелись и отнеслись к делу с большой ответственностью

На всех плакатах был рефрен: «Как любить своих учеников».

А мысли были следующие:

Необходимо относиться к ученикам по-отечески, серьёзным, страстным желанием им успехов, как будто бы учителя являлись родителями духовного развития учащихся. При этом они должны всё это делать более добродушно, нежели строго. Достичь, чтобы всё обучение происходило добровольно. Это получится, если мы будем учить всему:

(1) с надеждой научить чему-то новому: нет человека, который был бы не рад чему-то новому научиться;

(2) приветливо, чтобы нравилось слушать: нет человека, который не любил бы так учиться;

(3) открытым и безобманным показом: нет человека, который хотел бы быть обманутым;

(4) через самоличное рассмотрение: нет человека, который не верил себе больше, чем другим;

(5) через самостоятельность: нет человека, который предпочитал бы следовать чужой, а не своей воле;

(6) через применение собственных сил, т. е. через собственные попытки и опыты ученика;

(7) вплоть до достаточности, когда ученик признаёт, что он во всех отношениях удовлетворён.

Добиться, чтобы:

– каждый воспитуемый получил основательное образование и не мог разучиться и вернуться к невежеству;

– изучаемое изучалось в совершенстве;

– ученику нельзя было не понять всё, чему учат;

– всё обучение проходило добровольно;

– дисциплина была мягкая и уверенная и не отпугивала учеников от учителя.

Добиться, чтобы ученики учились всему с удовольствием. Для этого дать ученику понять:

– что он по своей природе *хочет* того, стремление к тому, чему ты ему внушаешь, – и ему сразу будет радостно хотеть этого;

– что он от природы *может* иметь то, чего желает, – и он сразу обрадуется этой своей способности;

– что он *знает* то, что считает себя незнающим, – и он сразу обрадуется этому своему знанию.

Попросил директора дать разрешение вывесить плакаты в большой учительской. Он внимательно их изучил, попросил меня рассказать о Коменском. Согласился, но добавил: «Из области фантастики!» Плакаты я вывесил вечером, когда в учительской уже никого не было. А утром пришёл рано, чтобы понаблюдать за реакцией учителей. А реакция в тот день и последующие дни была такая: кто-то пошутил, что это предноябрьские призывы партии; кто-то (молодые) переписывали цитаты в тетради; кто-то шёл к директору выяснить – не приказ ли эти плакаты для коллектива; кто-то возмутился над организатором этой затеи; кто-то (старые, опытные учителя) громко обсуждал мысли на плакатах и насмехался над наивностью классика; а кто-то подходил ко мне и говорил: «Это ты сделал, да? Молодец!»

В общем, Ян Амос Коменский почувствовал бы себя неуютно в нашей большой учительской. Учителя середины XX века с возмущением объяснили бы ему, что так воспитывать и учить современных детей нельзя, строгость и строгость принудит их подчиниться учительской воле.

Возмущение учителей усилилось, когда те же самые плакаты появились на стенах коридоров школы. Дети толпились перед плакатами, читали вслух, спрашивали у учителей, что всё это значит. А учителя пожаловались директору и в партийную организацию; они утверждали, что подобные мысли на плакатах могут зародить в детях недоверие к своим учителям, могут настроить их против учителей. И они, конечно, были правы.

А плакаты без моего вмешательства и ведома вывесили в коридорах ученики-художники.

Сделать вывод из этого опыта было нетрудно. Он был грустным: ясно было, большинство учителей смущали идеи из будущего, они встретили их настороженно, даже испугались их, видели в них низкую оценку своего традиционного авторитарного опыта, видели обесценивание своего труда.

Пусть учитель живёт для Вечности

Тем не менее, я продолжал свои опыты.

Группа юных художников увлеклась этим делом и даже требовала от меня нового материала для плакатов. Им нравились идеи добра и гуманности, любви и взаимности. Они рисовали прекрасно, помещали плакаты в рамы. А когда, спустя месяц, мы сняли в учительской и коридорах плакаты с мыслями Коменского, встал вопрос: что с ними делать. И ребята нашли выход: они решили дать их в подарок учителям: вывесить в предметных кабинетах. Мне они рассказывали, как учителя принимали эти дары. Кто-то сказал им, что кабинет перегружен наглядными пособиями. Но дети всё же нашли место на стене, и учитель молча согласился. Кто-то прогнал ребят с их подарками: «Забирайте ваш филантропизм обратно… Как учиться будете, так и любить буду…» Кто-то молча согласился. Но один учитель даже выбирал плакат с цитатами.

После Яна Амоса Коменского в школу «пришёл» Иоганн Генрих Песталоцци:

Я не знал ни порядка, ни метода, ни искусства воспитания, которые не явились бы следствием моей глубокой любви к детям. В любви Ребёнок находит вдвое больший источник роста.

Весь истинно гуманный дух наших сил заключён в вере и любви. Сила сердца, вера и любовь для человека, то есть, для божественного вечного существа, подлежащего воспитанию и образованию, являются как раз тем, что корни для роста дерева.

Веру должна порождать вера, а не знание и понимание объекта её.

Мышление должно быть порождено мышлением, а не значением объектов размышления или законов мышления.

Любовь должна порождаться любовью, а не знанием объектов, достойных любви, и самой любви.

Пусть учитель, помогая, живёт для вечности, но пусть, живя, помогает настоящему. Если он так поступает, если он, любя, живёт ради вечности и для настоящего, тогда пусть не заботят пределы силы его любви. Любовь его поколения присоединится к его любви. Для своей любви он найдёт помощь, как находит помощь терпящий бедствие благородный человек.

На этот раз учителя отнеслись к мыслям на плакатах более сдержанно, даже с интересом. Обсуждали их между собой. Кто-то выбрал, какой из них хотел бы повесить в своём кабинете. Было и такое, когда кто-то на педсовете сослался на эти мысли. А старшеклассники рассказывали мне о случаях, когда мысли с

плакатов, висевших в кабинетах и коридорах, становились предметом обсуждения на уроках. Ученики призывали учителей следовать мудрым наставлениям великих педагогов.

Позднее плакаты с мыслями Иоганна Генриха Песталоцци были заменены мыслями Якова Семёновича Гогебашвили, Константина Дмитриевича Ушинского, Антона Семёновича Макаренко.

Мысли Гогебашвили вызвали долгое обсуждение проблем нравственности и веры.

Воспитание честных, благородных чувств в подрастающем поколении более необходимо и ценно, чем обогащение ума детей различными знаниями.

Солью земли во всех странах являлись и являются добрые сердца, проникнутые пламенной любовью к ближнему.

Неизбежной же основой этики человеколюбия была и есть искренняя вера. Глубоко верующий человек никогда не сможет проявить малодушия и эгоизма.

В те пятидесятые годы разговор о вере, о воспитании веры – в смысле религиозной – был опасен. Потому мысль Гогебашвили вызвала разные толки. Секретарь парторганизации предложил говорить о воспитании в коммунистические идеалы и т. д. Но один молодой учитель, который радовался плакатам, заявил:

– Получается, что мы опровергаем одну религию, чтобы вводить другую…

– Это какую? – спросил учитель-секретарь.

– Христианскую религию заменяем коммунистической религией…

– Коммунизм – это наука, а не религия, – парировал учитель-секретарь.

– Тогда зачем же воспитывать веру в коммунизм? Науку надо учить, а не воспитывать веру в неё…

Было ясно, что плакаты с мыслями будили у учителей мысли. «Да, детей надо любить, надо учить и воспитывать с любовью», – говорили одни. Это была небольшая группа учителей. Другие же, не имея причину опровергать тезис о любви к детям, утверждали: детей, конечно, надо любить, но вовсе не обязательно, а даже вредно показывать им свою любовь, держать их в руках будет невозможно.

А старшеклассники, в силу активной деятельности группы юных художников, атаковали своих учителей на уроках, задавая вопросы, как они относятся к той или иной мысли того или другого великого педагога.

Мои первые впечатления от плакатной педагогики расширились: я увидел, что мысли из прошлого влияют на

учителей: кто-то начал переосмысливать свой опыт; кто-то знакомился с именами великих мыслителей и проявлял заинтересованность их творчеством, просил дать им книги; кому-то стало неловко на фоне возвышенных мыслей. Дело в том, что учителя были мало начитаны в классической педагогике, но зато крепко освоили догмы советской авторитарной педагогики, которая делала их «солдатами партии».

Любят ли авторитарные учителя детей?

Любили ли советские учителя детей?

Конечно, любили. любили искренне и преданно.

Но любовь их была своеобразной, она не имела возможности совершенствоваться. Действовал неписаный закон: любить-то детей надо, но так, чтобы не показывать им свою любовь; их надо любить со всеми строгостями, требованиями, принуждениями, наказаниями; пусть ребёнок не поймёт сегодня, что учитель любит его и ради его будущего счастья вынужден прибегать к силовым способам, зато поймёт, когда подрастёт, и будет благодарен. И получалось, что детей они любили, но воспитывали и учили их так, что дети не чувствовали эту любовь. неписаный закон легко вёл учителя к грубостям. Любили авторитарно, властно, сурово, веря, что это есть лучший путь воспитания. Принималась мысль, что учение – тяжкий труд, надо терпеть, проявлять волю, упорство, чтобы учиться успешно.

Во всех тогдашних школах на видном месте висели транспаранты, призывающие детей быть прилежными. «Учиться, учиться и учиться» – эти слова, сказанные Лениным в адрес безграмотных партийцев, партия теперь адресовала ученикам. А Сталин сказал: «Чтобы строить – надо знать, чтобы знать – надо учиться, учиться упорно, прилежно». Не отстал от вождей и Берия, призыв которого тоже красовался в школах: «Подвиг и геройство учащихся – это учиться на отлично. Это значит: иметь отлично…» И перечисляли предметы. «Отлично» была высшая словесная отметка, чем стала потом пятёрка. Кстати, когда партия решила, что вместо словесных отметок нужно применять цифровые, лозунг был переделан: вместо «отлично» значилось «пять».

Достанутся ли ученикам знания без усилий?

Нет.

Что делать? Дать им волю? Оставить без знаний?

Нет, нельзя.

Но получается, что ради их же блага надо их принуждать.

Есть ли другой выход?

Нет.

Тогда вперёд!

Вот, примерно, какая логика присутствовала в основе всеобщего образования.

И вскоре школа погрязла в процентомании так называемой

академической успеваемости. А авторитаризм в образовании, как и в государстве в целом, стал частью идеологии. По правде говоря, в этом деле педагогическая наука мало что нового сделала: авторитаризм в образовании, силовой подход к детям был известен с древнейших времён, им была поражена школа капиталистического мира. Он и сейчас есть основа теории и практики мировых образовательных систем. Советская педагогическая наука перевела существующую теорию и практику на язык идеологии. Хотя мудрые люди, – философы, психологи, особенно классики мировой педагогики, а также множество талантливых педагогов, – настоятельно, убедительно, терпеливо и давно объясняют учителям и всем, кто имеет касательство к образованию, что принудительные и насильственные способы вредят детям, снижают возможность проявления природных способностей. Но кто их слушает? Во-первых, опыт уже закреплён веками, он сложился как традиция, учителя поверили в его истинность. А если авторитаризм в образовании есть истина, то всякая другая педагогика, другие взгляды будут неправдой. Во-вторых, для диктаторского, унитарного и унифицированного государства авторитарная педагогика легко вписывается в его идеологию. В-третьих же, авторитарная педагогика на практике требует куда меньше материальных и духовно-нравственных затрат, чем всякая образовательная вариация на тему классической педагогики.

Партия авторитаризм в образовании утвердила в том, что назвала учителей «верными солдатами партии». Учитель – как солдат, как сержант, как офицер! Наверное, солдаты и генералы армии тоже любят друг друга (хотя это вовсе не обязательно), но любовь эта будет другая, она будет служить войне, а не воспитанию. Военную дисциплину в армии на любви не построишь, нужен приказ и его исполнение, а в случае неподчинения приказу – наказание. Вот и вся философия дисциплины.

А как быть в школе?

Примерно так же: требовать от учеников сознательной дисциплины, то есть, понимания того, что они обязаны, другого выхода у них нет; им дают задание, они должны выполнить. Если не так, то – наказание. Так провоцируются властолюбие, жестокость и издевательства «солдат», которые, приняв класс, воображают себя генералами.

Сегодняшние авторитарные учителя тоже любят детей, но любят их теми же способами, какие были прежде, или же более утончёнными, которые мощнее прежних.

Любит ли государство детей?

Вроде бы, да.

Ведь пригласил президент девочку из глухомани на новогоднюю ёлку в Кремль? Вот какая любовь.

Но Сталин поступил эффектнее: он взял на руки маленькую девочку с букетом, которую потом назвали Мамлакат, а тысячи бюстов вождя с ребёнком сразу же были установлены во всех парках и дворах школ по всей стране. Это тоже любовь.

Какая разница?

Тогда жизнь миллионов детей репрессированных родителей была искалечена – они были детьми «врагов народа». Теперь нет детей «врагов народа», но два миллиона детей бомжуют по стране. Кто они для народа и для государства?

И так ли надо любить детей?

Исправление ошибки

Я полюбил детей после того, как соприкоснулся с ними. Тогда я ещё не знал причины моей тяги к детям, не мог объяснить, почему так безболезненно расстался с журналистикой и дипломатической жизнью. О том, что это за чувство и на что оно способно, тоже не думал. Это мне предстояло ещё узнать. Но внутреннее моё духовное состояние, весь подтекст того, чем я занимался, к чему стремился, как я сейчас полагаю, была именно любовь.

Думаю, она и потянула меня создать в Грузии первый экспериментальный класс. Это было в 1963 году. Я попросил свою сестру Нателу Александровну оставить работу в Институте педагогики и помочь мне осуществить задуманное. Именно задуманное, ибо чёткого образовательного плана у меня тогда не было. Я знал только: буду строить развивающий процесс, детям должно быть очень интересно и радостно в школе, знал, что откажусь от отметок, собирался изменить систему обучения грамоте, изменить разлиновку тетрадей, включить в расписание игру в шахматы, уроки по этике… Сестра согласилась стать учительницей класса со своим востоковедческим образованием (закончила тот же факультет, что и я). Надо было найти директора, который согласился бы открыть экспериментальный класс и довериться нам. Нашёлся и такой директор Тбилисской школы № 57 – Арчил Корохашвили. Далее надо было набрать детей с согласия родителей. Нашлись желающие и к первому сентябрю мы с сестрой открыли экспериментальный класс. Многие наши новшества родители принимали почти без колебаний, но в связи с упразднением отметок нам пришлось их долго уговаривать.

В работе с классом в течение четырёх лет мы набрали огромный опыт по воспитанию детей в условиях доброты, дружбы, свободы. Мы тогда ничего не знали о понятии духовной общности, но она у нас зародилась и стала основой для увлекательной и многогранной жизни детей.

Многие из подходов, наработок, приёмов, которые и сейчас находят распространение среди учителей, мы создали и проверили тогда. Затем вся эта работа, как зерно, начала развиваться в массовой практике сотен экспериментальных школ. Натела Александровна до сих пор является учителем начальных классов и, судя по тому, с какой любовью и уважением, с каким доверием и дружбой относятся к ней дети, можно заключить: она постигла в себе Мудрость Педагогической Любви.

Но моя любовь к детям в начале 60-х годов не была ещё осознана, это была подсознательная сила, которая рвалась проявляться и совершенствоваться. Мне просто хотелось, чтобы педагогический процесс, – и в семье, и в детском саду, и в начальных, и в старших классах, и повсюду, где бы он ни происходил, – доставлял детям радость, чтобы учителя и воспитатели их понимали, чтобы программы и учебники их не унижали, чтобы детей всюду уважали. Но как это сделать? Конечно, нужно разработать хорошие методы, хорошие учебники, дать детям развитие и т. д. Но что мешает тому, чтобы всё это было сделано, а самое главное – введено в практику? Вот тут моя неосознанная любовь к детям сильно споткнулась.

Тогда я был уверен, что всё образование можно изменить, отреформировать, обновить через так называемое внедрение новых педагогических, дидактических или методических систем, через приказы министерства или постановления правительства. Здесь я допустил ту же самую ошибку, что сейчас допускают специалисты так называемых педагогических технологий: я не отдавал должного свободной творческой воле учителя. Что сделает совершенный инструмент, скажем, скрипка Страдивариуса, в руках несовершенного исполнителя? Только в руках творца, в руках совершенного мастера мы узнаем и оценим не столько совершенство инструмента, сколько всплеск духа, подаренный мастером. Но тогда я думал по-другому: нужно разработать хорошую методику, а учитель обязан применить её в точности и выдать предполагаемый результат. Я упускал из вида личность учителя.

Так я действовал в начале шестидесятых годов прошлого века, когда при поддержке директора Института педагогики имени Я.С. Гогебашвили Григория Георгиевича Попхадзе мы открыли лабораторию экспериментальной дидактики. В неё вошла группа единомышленников-учёных. Они были полны энтузиазма, и каждый из них был мастером педагогической практики. В лаборатории действовало правило: любой научный сотрудник, независимо от учёной степени и звания, должен был быть прекрасным учителем и воспитателем, уметь показывать учителям высшее искусство ведения уроков и общения с детьми. Может быть, такой уровень учёных сыграл в дальнейшем свою роль в том, что лаборатория прославилась на всю страну и в мире. Возглавил лабораторию Барнаб Иосифович Хачапуридзе – тончайший экспериментатор, ученик и соратник выдающегося психолога Д.Н. Узнадзе. Мы разместились в Республиканской экспериментальной школе № 1, директором которой был назначен опытный и творчески мыслящий педагог Л.Ф. Чикваная.

В начале шестидесятых годов мы развернули экспериментальную работу, следуя образцу нашумевшего тогда эксперимента под руководством Леонида Владимировича Занкова. Вскоре мы познакомились и с экспериментом, ведущимся под руководством Даниила Борисовича Эльконина и Василия Васильевича Давыдова. Оба эти экспериментальные направления опирались на теорию развития Л.С. Выготского. Но наш мудрый руководитель привнёс к нашему осознанию идеи развития и необычный педагогический опыт Д.Н. Узнадзе. Грузинскому экспериментальному педагогическому направлению не было ещё точного названия, но было видно: оно выходило далеко за пределы дидактики и вовлекало в себя общепедагогические проблемы. Наблюдатели называли его то развивающим обучением, то обучением без отметок. Порой отдельные стороны нашего исследования отвлекали внимание от самого главного. Так, например, проблема обучения шестилетних детей, или особая система взращивания в детях письменной речи, или же практика содержательного полного дня. Во всём этом было так много приёмов и форм, разработок и методических комплектов, что они заслоняли общую теоретическую основу.

Из года в год в эксперимент включались всё больше и больше учителей, и уже в конце шестидесятых годов им была охвачена почти половина регионов Грузии – сотни учителей и десятки тысяч детей.

А теперь возвращаюсь к моей ошибке.

Мы разработали для учителей, участников эксперимента, жёсткий план: взяли и пронумеровали все 3230 уроков четырёхлетней начальной школы; определили для каждого урока тему, содержание, методы, даже вопросы, которые учителя должны были задавать детям; была обрисована структура каждого урока и ожидаемый результат.

Учителям оставалось строго следовать плану, проводить уроки по данной схеме. Получалось, что в один и тот же день во всех наших экспериментальных первых-четвёртых классах по всей Грузии учителя проводили один и тот же урок. Они, бедные, привыкшие повиноваться воле начальников, со всей ответственностью исполняли наш план.

Было ли это нашим проявлением любви к детям?

Сотрудники лаборатории были милые люди, любили детей, но делали свою работу, не думая о любви к детям и, тем более, к учителям. Мы их уважали и дружили с ними, но больше заботились о торжестве идеи.

Наш мудрый профессор первым заметил оплошность. Так нельзя, сказал он нам, вы сковываете учителей. Дайте им

возможность быть творчески мыслящими, сделайте их не исполнителями вашей воли, а равноправными соратниками, творцами эксперимента.

Мы послушались профессора и быстро изъяли из употребления наши жёсткие планы. Взамен развернули широкую семинарскую деятельность, проведение научно-практических конференций. Года два спустя мы убедились, насколько эксперимент стал мощнее, а результаты превзошли все ожидания. Учителя начали публиковать статьи о своём творчестве, а некоторые увлеклись научными исследованиями.

Трагикомические события

Теория развития Л.С. Выготского содержит большие возможности для построения новых дидактических систем. Так и случилось с экспериментами Занкова и Эльконина-Давыдова. Исходя из одной и той же теории, они создали разновариантные системы развивающего обучения: первая была ориентирована на общее развитие младших школьников, вторая – на умственное развитие, на развитие в детях диалектического типа мышления.

Застойный педагогический мир увидел, что в зависимости от обучающей системы дети могут проявлять разного рода возможности и способности, в силу чего ускоряется их продвижение. В эксперименте Л.В. Занкова дети четырёхлетнюю программу начальных классов заканчивали за три года и из третьего класса прямо переходили в пятый класс. Зародился новый принцип дидактики: вести обучение не от лёгкого к трудному, а от трудного к более трудному. Для традиционной авторитарной школы это было непонятное дело.

Также непонятно было то, что происходило в эксперименте Эльконина-Давыдова: овладевая диалектическим (абстрактным) типом мышления, дети свободно вторгались в сферы старших классов; стало возможным строить программы не по принципу от частного к общему, от конкретного к абстрактному, а наоборот: от общего к частному, от абстрактного к конкретному.

Эти открытия не были встречены аплодисментами в образовательном мире: учёные возмутились, руководители нахмурились, партийные боссы озадачились. С воодушевлением принимали эти системы тысячи учителей, которые на своём опыте познавали способности детей и свои творческие возможности. Общество бурлило. Традиционная волна шестидесятых-семидесятых годов обрушилась на новые ростки в образовании и началась реакция: кого-то из учёных исключили из партии, закрыли лаборатории, разогнали сотрудников. А потом, спустя некоторое время, людей начали восстанавливать «в рядах КПСС», учёных возвращали обратно, системы были признаны и рекомендованы для массовой практики. Трагикомические события происходили и в связи с нашей лабораторией. В Грузии нас критиковали, постоянно проверяли, обвиняли, что мы идём против Гогебашвили, классика грузинской педагогики, против решений партии, разрушаем основы единой советской школы; писались доносы в партийные органы о том, что лаборатория насаждает буржуазную педагогику, в газетах устраивались дискуссии с «разоблачением» наших идей. Нас закрывали и

выгоняли из экспериментальной школы.

И это длилось годами. Порой мы приходили на работу, не зная, что с нами будет.

Думаю, в это сложное время я и начал осознавать чувство любви к детям. Я начинал понимать, что наука, эксперименты, обновление образования, вся борьба в защиту идей – всё это было не что иное, как защита детей. А силы для борьбы я черпал из двух источников: первый источник – любовь к детям, второй – вера в те идеи, которые помогали мне защитить детей. Я бы сам отказался от своих идей, от всей своей науки, если бы увидел, что они бессильны уберечь детей от посягательств авторитарного насилия. Любовь и Вера – вот что начал я осознавать тогда, когда, отлучённый от детей очередным решением министерства образования, находился в отчаянии. Не знаю, способствует ли отчаяние озарению, но меня оно спасло – передо мной открылись всесильные источники Любви и Веры. И в дальнейшем бывали случаи, когда они возрождали меня прямо из пепла.

Конечно, в Грузии были люди – учёные, учителя, родители наших учеников, которые поддерживали нас. Но этого было мало. Нас начали поддерживать российские учёные. О нас хорошо писала вся тогдашняя центральная пресса, газеты «Правда», «Известия», «Неделя», «Литературная газета», «Учительская газета», «Московский комсомолец», «Комсомольская правда», «Труд» и многие другие. К нам каждый день приезжали группы учителей со всех концов тогдашнего Советского Союза, из-за границы, из Америки, Германии, Чехословакии, Болгарии, Китая, Венгрии… Это была уже другая сила, которая противостояла местной реакции и воодушевляла нас.

Местная реакция…

Разумеется, это не вся Грузия.

Местную реакцию составляла группа людей, в чьих руках была сосредоточена часть власти, или же те, которые в борьбе с нами защищали самих себя, свои отжившие идеи, или те, которые были чем-то обижены и потому мстили, были и такие, которые просто не могли не писать доносы в высшие инстанции.

Знали ли они суть наших поисков? Нет, не знали, и им было неважно знать её.

Защищали ли они от нас что-либо святое? Об этом тоже не думали.

Но что надо было другое делать авторам традиционно действующих программ, учебников, методических курсов?

Что надо было делать учёным, на которых надвигалось новое педагогическое воззрение?

Что надо было делать министрам, когда они видели, что в их

епархии не всё складывается по их приказам?

Что надо было делать людям, которые просто не могли понять, что происходит?

Что надо было делать злым людям?

Это была небольшая группа людей, но они имели часть власти или доступ к власти.

Вот и действовали. Но вовсе не из любви к детям.

Мечта о Детском Государстве

Наконец, дело дошло до ЦК Грузии. Была составлена большая комиссия, которая долго проверяла нашу работу – теорию, практику, результаты, наработки, проверяла уровень знаний детей. Часть членов комиссии всё же хотела найти наши «буржуазные» идеи, прицепилась к применению содержательных оценок, к принципу свободного выбора, к тому, что в нашей практике не было никаких наказаний.

Но всё это утонуло в общей положительной оценке. Вопрос о маленькой лаборатории был вынесен на бюро ЦК. Такого ещё никогда не было.

Итак, решалась судьба: какой путь выбирать в образовании – любить детей по-настоящему или любить их на словах.

Находясь на бюро ЦК, на этом наивысшем уровне власти, я вообразил, что передо мной самые милые люди, которые могут исполнить мою мечту. Вот я и размечтался: на горе Саирме, где стояла Республиканская экспериментальная школа № 1, я вообразил Детское государство, где, наряду с научными учреждениями, находятся детские сады, спортивные комплексы, парки, трудовые мастерские, эстетические центры, детский дом… В центре Государства стоит величественное здание – это ратуша, там заседает объединённый парламент детей и взрослых. В Государстве действует своя Конституция…

Я тогда уже прочитал книгу Януша Корчака «Царь Матиуш Первый». Не раз мечтал вместе с детьми об обустройстве жизни.

Когда я вернулся к реальности, услышал голос первого секретаря Джумбера Патиашвили. Он прервал меня и, смеясь, сказал:

– Давайте создадим такое Детское Государство…

И решили: впервые в Советском Союзе создать так называемое научно-производственное педагогическое объединение. И меня назначили генеральным директором. Решено было также издать на грузинском, абхазском и осетинском языках мои книги: «Здравствуйте, дети!», «Как живете, дети?», «Единство Цели». На абхазском и осетинском языках в скором времени они действительно были изданы, но на грузинском языке я так и не дождался их «рождения».

Воодушевленный таким оборотом дела я приступил к подготовке проектов Детского Государства. Смешанная комиссия учеников и учителей начала готовить проект Конституции. Дети-художники и архитекторы с большим воодушевлением создавали эскизы разных сооружений, в первую же очередь, здание

парламента…

Был тогда конец 80-х годов. Вскоре меня выбрали народным депутатом и членом Верховного Совета СССР, а потом Союз распался. Новому руководству Грузии и президенту З. Гамсахурдиа не нужны были такие образовательные проекты, не нужна была гуманная педагогика. И я подал в отставку.

Сердце живого педагогического процесса

Наше грузинское направление складывалось по-другому. Вначале для нас теоретической базой было синтезированное понимание идей Л.С. Выготского и Д.Н. Узнадзе о развитии. Они прекрасно дополняют друг друга и дают более полную картину о закономерностях развития Ребёнка. Далее, взяв курс на развитие и воспитание личности, мы включили в психологическую основу фундаментальные понятия Д.Н. Узнадзе – установку и объективацию. Они усилили наш личностный подход к Ребёнку и помогли по-новому разработать методические аппараты наших учебников для начальных классов.

В 1915–1916 годах Д.Н. Узнадзе был директором грузинской школы, где осуществил много новых идей, в корне отличающихся от действительной практики: он упразднил отметки и ввёл самооценочные суждения, установил ученическое самоуправление, между учителем и учениками установил взаимоотношения сотрудничества, уважение личности ученика стало законом в школе… По результатам учебного года Д.Н. Узнадзе написал «Отчёт», что практически является концепцией образовательной системы, построенной на началах гуманности, добра и любви.

Мы пытались вовлекать идеи Д.Н. Узнадзе в эксперимент, усиливая тем самым наше педагогическое направление. В целом мы охватили широкий круг проблем: сотруднические взаимоотношения учителя с учениками, педагогическое общение, уважающее и утверждающее личность Ребёнка, отказ от всяких формальных знаков (отметок) в оценке успешности учеников, введение содержательных оценок и воспитание оценочной деятельности как качества личности Ребёнка; мы впервые в огромной стране начали приём детей с шестилетнего возраста и создали систему их воспитания и развития; мы радикально изменили систему развития речи, заложив в основу письменную речь как светильник души; утвердили принцип свободного выбора в образовательном процессе, построили новые учебники по всем образовательным курсам, заложив в них условия творческого сотрудничества и творческого развития детей; открыли огромное количество новых приёмов и методов, утверждающих радость познания, организовали воспитательный и развивающий процесс в условиях полного дня, основанного на разнообразных видах деятельности детей…

Несмотря на масштабность идей, эксперимент назывался развивающим обучением, а в прессе его именовали то «грузинским», то «тбилисским», то «безотметочным» и т. п. обучением.

Результаты эксперимента были превосходными: дети быстро продвигались в познании, для нас исчезли понятия «трудные», «слабые», «необучаемые», «невоспитуемые» и т. д. дети.

И однажды наш профессор сказал нам: «Развитие есть только одна грань становления личности школьника. Вы в этом достаточно убедились, хотя Ребёнок неисчерпаем в своих возможностях. Но должен быть и другой психологический аспект, который в состоянии задеть более глубинные силы Ребёнка и зародить новые качества его личности. Ищите этот фактор».

Мы посвятили этому поиску четыре года и в начале семидесятых пришли к выводу, что таким психологическим фактором должен быть мотив. Личность, её деятельность не мыслится без мотивов. Сохранив идею развития, мы расширили свой подход с точки зрения развития и воспитания мотивов. Были вынуждены заново разработать всю систему содержательно и методически, закладывая в ней, наряду с развитием, воспитание мотивов деятельности.

Через пару лет мы увидели, что, во-первых, дети действительно сильно изменились, во-вторых, убедились, что творим не дидактику нового образца, а другую педагогику в целом – мы охватывали и обучение, и развитие, и воспитание. Убедились также, что если обучение должно опережать развитие и вести его за собой (Л.С. Выготский), то воспитание должно опережать и обучение, и развитие, и вести их за собой (этому учат классики педагогики). Мы начали искать двигатель целостного педагогического процесса и пришли к выводу, что таковым является общение. Общение есть сердце живого педагогического процесса, оно придаёт качество этому процессу. Общение авторитарное делает весь процесс с его содержанием тоже авторитарным, общение гуманное одухотворяет всё в педагогическом процессе. Всё, чем мы пользуемся, – программы, учебники, средства, методы, приёмы, формы и т. п., какими совершенными и новыми их ни назови, именно в общении приобретают качество и смысл. А творцом общения является учитель.

Так перед нами возникла исключительная, наиважнейшая значимость Личности Учителя.

Грустное лицо Сухомлинского

В мою жизнь Василий Александрович Сухомлинский вошёл как радость, которую долго ждёшь, но приходит она неожиданно. Я ждал радости, но ещё не знал, что это могло быть.

Впервые я увидел его на общем собрании Академии педагогических наук в Москве. Было это, если я не ошибаюсь, в 1959 году. Мой научный руководитель, который был членом этой академии, пальцем показал мне в зале на человека, сидевшего в последнем ряду, и сказал: «Вот он, Сухомлинский, сельский учитель». Имя директора сельской Павлышской средней школы из Украины было тогда у всех на устах: кто восторгался им, кто ругал, кто клеветал, кто ехидничал. В это время я ещё мало знал, кто есть кто в педагогике. Сухомлинского ещё не читал, и ожидания особой радости во мне ещё не было.

Спасибо моему руководителю, что он пальцем указал мне на Сухомлинского и дал возможность взглянуть на него. Лицо его меня притянуло, и во время заседания я всё оборачивался, чтобы ещё и ещё раз запечатлеть его в себе. И до сих пор корю себя, почему я не подошёл к нему, не заглянул в его грустные глаза, не сказал – «Здравствуйте!». Может быть, он протянул бы мне руку и пожал её. Какую силу духа я почерпнул бы из этого рукопожатия на всю жизнь!

Я смотрел на него со стороны и думал о том, как и чем

он мог ошарашить советский педагогический Олимп. Председательствовал на собрании президент АПН В.М. Хвостов, который только что грубо прервал выступление академика Л.В. Занкова. Он сообщал собранию о первых действительно удивительных результатах год или два тому назад начавшегося эксперимента. Видите ли, президент не поверил учёному в подлинности фактов. Это тот президент, который вскоре поверил клеветникам, написавшим о Сухомлинском следующее заключение: «Концепция, которую В.А. Сухомлинский проповедует в ряде органов нашей печати, получила весьма широкое распространение в массах учительства и в настоящее время представляет реальную угрозу как сила, поворачивающая педагогическое мышление в сторону буржуазной теории свободного воспитания». Это означало: «Убрать надо Сухомлинского!» И чтобы это свершилось, президент АПН направит донос в ЦК с предложением: «Рекламирование концепции В.А. Сухомлинского в нашей печати представляется политически и педагогически нецелесообразным и даже вредным». Об этих тайных «документах» мир узнал спустя 40–50

лет.

О чём мог думать тогда он – Василий Александрович Сухомлинский, наблюдая, как президент грубит Л.В. Занкову, выражая недоверие к его экспериментальным поискам, открывающим новые возможности детей? Может быть, о том, о чём потом напишет в письме своему другу-единомышленнику Э.Г. Костяшкину: «Мне кажется, что многие мужи педагогики, которые управляют нашим кораблём, а сами не любят ни школы, ни детей: больше того, кое-кто из них глубоко ненавидит педагогику. Никакой педагогической мысли в рубке этого корабля нет».

Что я ещё мог бы вычитать на его грустном лице?

Наверное, то, о чём он будет писать опять-таки тому же своему другу: «В 1939 году женился. Когда я шёл на фронт, дома осталась жена Вера Павловна… Она не могла выехать, так как была беременной. Осталась у своих родителей. Во время оккупации её арестовало гестапо за распространение советских листовок, сброшенных с самолёта, за перепрятывание советских бойцов, бежавших из плена, за сохранение и передачу им оружия. Фашисты жестоко пытали её, выкололи глаза, после этого мучили ещё несколько дней, и потом повесили. Когда жена была в гестаповском застенке, к её родителям-старикам приехали два гестаповца и забрали больного десятимесячного ребёнка – якобы для того, чтобы мать его накормила. Они принесли ребёнка в камеру и сказали: если не скажешь, кто руководит вашей организацией, убьём сына. И убили на глазах у матери, а потом выкололи глаза и мучили. Обо всём этом я узнал после освобождения района. Я сам был при допросе нашими товарищами предателя полицейского, который рассказал, как выколол ей „только“ один глаз, а второй, мол, выколол не я, сжальтесь… Трудно передать словами горе, которое мне пришлось пережить… Я знаю, что и сейчас жив офицер, выколовший глаз жене и истязавший её…»

Сердце сидящего в зале человека с грустным лицом уже объявляло всему миру, что настала пора другой педагогики.

Конечно, не эта первая встреча была той радостью, которую я ждал. Она придёт ко мне попозже, чтобы придать мне веру и прояснить смысл любви к детям. А потом придёт ещё, чтобы закрепить во мне путь.

«Как любить детей»

Этой радостью для меня была статья Василия Александровича Сухомлинского, опубликованная в журнале «Радянська школа» в 1967 году. Статья называлась: «Как любить детей». Я читал и перечитывал её с восторгом, с удивлением. Надо же, так просто, страстно, ясно, мудро и смело говорить о том, что является всеначальной энергией образования и что так упорно выкидывает наука за борт своего корабля!

Во мне прояснилось многое, если не всё.

Меня охватило состояние, когда восклицают: «То же самое хотел сказать, но слов не находил».

Я переписал всю статью, как песню, из которой нельзя слова выкинуть. Я делал выписки, конспектировал. Я впитал весь её смысл в себя до той степени, что она стала моей, отражением моего духа.

Сейчас я пользуюсь тогдашними выписками и конспектами и заново переживаю состояние более чем сорокалетней давности.

Идеи, изложенные в статье, были как вулканические извержения, и их мог родить в себе только человек с судьбою Василия Александровича.

Статью он начинал так: в учительской среде можно услышать дискуссию – обязательно ли, чтобы каждый педагог любил детей? «А если я их не люблю? – щеголял своей оригинальностью один учитель. – Если от их галдёжа у меня головная боль? Если я только и знаю светлые минуты, когда не слышу их и не вижу? Что же, прикажете оставить школу и переквалифицироваться?» Такому учителю Василий Александрович отвечает резко: «Да, надо оставить школу и приобрести другую специальность. Или же воспитать в себе любовь к Ребёнку – третьего не дано». Это потому что «Любовь к Ребёнку в нашей специальности – это плоть и кровь воспитателя как силы, способной влиять на духовный мир другого человека. Педагог без любви к Ребёнку – всё равно, что певец без голоса, музыкант без слуха, живописец без чувства цвета».

Далее последует серия цитат, которые не нуждаются в комментариях.

«*Нельзя познавать Ребёнка, не любя его».*

«Речь идёт о мудрой человеческой любви, одухотворённой глубоким знанием человеческого, пониманием всех слабых и сильных сторон личности, – о любви, предостерегающей от безрассудных поступков и вдохновляющей на поступки честные, благородные.

Любовь, которая учит жить, – такая любовь нелегка, она требует напряжения всех сил души, постоянной отдачи их».

«Мудрая любовь к детям – вершина нашей педагогической культуры, мысли и чувств. Сердечность, теплота, доброжелательность в отношении к Ребёнку, – то, что можно назвать общим словом – доброта, является результатом большой, длительной работы педагога над самовоспитанием чувств».

«Мудрая человеческая любовь к Ребёнку и детству – чувство, одухотворённое глубоким раздумьем, богатством мысли. Духовная пустота никогда не пробуждала и не питала подлинной любви».

«То, что мы вкладываем в понятие любовь учителя к детям, любовь детей к учителю, начинается… с удивления, с благоговения одного перед духовными богатствами другого и прежде всего перед богатством мысли».

«Любовь учителя к детям рождается в горении, в борьбе за человека, нередко – в муках».

Меня поражают сердечные откровения Василия Александровича. Посмотрите, как он пишет:

«Если бы я не познавал многогранности человеческого в Ребёнке, если бы каждый день не открывал перед собой чего-то нового в каждом Ребёнке, все дети казались бы мне похожими друг на друга – я не видел бы Ребёнка. А тот, кто не видит Ребёнка, не может и полюбить его».

«Я не могу себе представить, чтобы Ребёнок когда-нибудь надоел мне, чтобы я перестал любить его».

«В самих детях, в их оптимистическом мировосприятии – источник моей любви к ним. Мне хочется быть с детьми. Особенно сильным становится это желание тогда, когда по каким-то своим внутренним причинам я чувствую упадок духовных сил. Знаешь, что общение с детьми вдохновит бодрость, пополнит духовные силы, и потому в такие минуты больше, чем когда-либо, стремишься быть с детьми».

Василий Александрович не «из пальца высасывает» эти истины. Он описывает свою действительную педагогическую жизнь, описывает судьбы отдельных детей, которых преобразила и спасла его любовь.

«Было бы наивно, – говорит он, – представлять себе дело так, что все дети, которые приходят в школу, – красивые розы; и учителю не остаётся ничего, лишь только любоваться ими. Есть розы, есть и чертополох.

Сколько приносят с собой дети уродливого, сколько бывает такого, когда сердце детское – как гнойник, как язва, корни которой уходят в глубину тех дней, когда перед Ребёнком только

открывалось оконце в мир.

Бывает, смотрят на тебя не чистые, честные, откровенные, а наглые, лицемерные глаза».

«Разве можно всё это любить?» – ставит он вопрос и даёт такой ответ: «Я люблю Ребёнка не таким, какой он есть, а таким, какой он должен быть. И когда удаётся очистить сердце детское от гнойника и язв, когда в глазах Ребёнка сияет одухотворённость красотой, а не блуждает лицемерная усмешка, я люблю этого настоящего человека, ибо в нём – частица моей души».

Откуда такое глубокое чувство и понимание Любви?

Василий Александрович дал мне и всему учительству, всем педагогам, всем воспитателям ответ на вечный вопрос, от которого мы увиливали. Это так же, как дал человечеству ответ на вечный вопрос Иисус Христос.

Спросите у Иисуса Христа, для кого он пришёл на Землю?

И мы услышим: «Я пришёл призвать не праведников, но грешников».

Спросите: «Кто имеет нужду во враче?»

Он скажет нам: «Не здоровые имеют нужду во враче, но больные». И что сделает пастух, если было бы у него сто овец, а одна из них заблудилась?

Иисус ответит: «Не оставит ли он девяносто девять в горах и не пойдёт ли искать заблудившуюся? И если случится найти её, то, истинно говорю вам, он радуется о ней больше, нежели о девяносто девяти не заблудившихся».

Только наивный спросит у Иисуса Христа: «Это как, Господи, всех, что ли, надо любить?»

Ибо мы имеем от Него вечную заповедь: «Возлюби ближнего своего как себя самого».

А теперь спросим у Василия Александровича: кому мы – учителя, воспитатели, педагоги – нужны, тем, кто уже воспитан и обучен, или тем, кто в этом нуждается?

Спросим ещё: всех детей, что ли, нам любить, или тех только, кто сам уже любит нас?

Спросим по-другому: неужели любить нужно того, в чье сердце поселилось зло, и того, в чьих глазах цинизм, и того, бессердечного и жестокого, бездушного и безнравственного? Любить этот «чертополох», этих духовных уродов?

Мы уже получили ответы на эти вопросы. «Да-да-да, – воскликнет Василий Александрович ещё раз, – всех, всех, всех детей нужно любить». И расскажет о том, как, любя «уродов», вылечивал их.

Вот о каком открытии читаю я в программной статье Василия Александровича:

«Искусство нашей профессии состоит в том, чтобы, ненавидя зло, не переносить ненависть на того, в чьей душе живёт оно».

А дальше расшифровывает эту идею:

«На мой взгляд, подавляющее большинство конфликтов между учителем и „не исправными“, „безнадёжными“ школьниками как раз и возникает там, где ненависть ко злу учитель переносит и на Ребёнка. Однако Ребёнок есть Ребёнок, а в том, что зло укоренилось в его сердце, виноваты взрослые».

И как же бороться со злом в душе Ребёнка?

Клин клином, что ли, вышибать?

Нет, избавить Ребёнка от зла злом нельзя.

«Обращаясь к Станиславу К., я старался забыть, – и мне удалось это величайшим напряжением духовных сил, – что в его душе царит зло. И как только мне удалось забыть об этом, мальчик впервые в жизни почувствовал, что в эту минуту обращается человек к человеку».

«Я обращаюсь не к голосу зла, – скажет он далее, – а к голосу красоты человеческой, которая в Ребёнке обязательно есть, которую не заглушить ничем».

Василий Александрович предлагает ещё одну закономерность и предупреждает:

«Если вы забыли о ней, то ни вы не будете любить детей, ни дети не будут любить вас».

А закономерность такая: *«Если всё время, на протяжении которого учитель находится вместе со своими воспитанниками, считать единым целым, то две трети его должны быть непринуждённым, товарищеским, дружеским общением, в котором дети забывают, что они – воспитанники, а учитель – их воспитатель».*

Василий Александрович вводит новое понятие, рождённое в недрах понятия Любви – защитное воспитание.

«Любить Ребёнка – значит защищать его от зла, которое ещё окружает многих детей в жизни (мы имеем в виду, прежде всего, семью). Ежегодно, когда школьный порог переступают первоклассники, с тревогой смотришь в глаза детям, которые несут в своём сердце открытую рану. Я хорошо знаю этих детей, знаю их родителей, знаю боли и тревоги детской души, знаю, что отдельных детей надо уже не воспитывать, а перевоспитывать. Эти дети у меня на особом учёте, их воспитание я называю „защитным воспитанием“…» Детей надо защищать от одиночества и чувства ненужности, от обмана, нечестности, эгоизма, неуважения к людям, от телесных наказаний и насилия, от заласканности.

«Защитное воспитание – это глубоко индивидуальное

творчество педагога. Тут надо так прикоснуться к болезненному, искалеченному сердцу Ребёнка, чтобы воспитание не обернулось для него страданием. От духовного одиночества самой лучшей защитой является пробуждение чувства любви, симпатии к человеку-учителю…»

Защитное воспитание есть проявление утончённого понимания чувства любви. Понятие это открывает целое научное направление в педагогике, если считать, что педагогика есть наука; или же высшие сферы искусства, если считать, что педагогика есть искусство. Лучше сказать – и в той, и в другой сферах.

Нежданная радость

Этой радости я действительно не ждал.

Это была радость, которая осталась во мне на всю жизнь, радость, которую я переживаю всё глубже и глубже, радость, которая рождает во мне лучшие мысли, да ещё грусть о памяти Василия Александровича.

Я долго мечтал побывать в Павлышской средней школе при жизни Сухомлинского. В 1969 году даже набрал группу учителей, даже взяли билеты на самолёт, и я предвкушал радость встречи с ним. Но… Такое тогда могло быть: накануне вылета тот, кто от Педагогического общества разрешил нам ехать к Сухомлинскому и профинансировал поездку, именно тот главный сказал нам: «Вы туда не поедете, ничему у сельского учителя не научитесь…» И велел сдать обратно билеты. Вот так! Двенадцати учителям Грузии, в том числе и мне, не посчастливилось пожать руку великому педагогу.

Но спустя пару месяцев нежданная радость всё-таки посетила меня.

В 1969 году в газете «Комсомольская правда» была опубликована моя статья об опыте обучения без отметок, в которой я сослался на мысли Василия Александровича. Прошло совсем немного времени, и в Институте на моё имя пришла бандероль. Внутри была только что изданная в Киеве книга «Сердце отдаю детям» с дарственной.

Свою мечту – быть в Павлышской школе – я исполнил только через 40 лет – в марте 2009 года. Я там почувствовал, как бьётся сердце Василия Александровича; вся школа с её милыми учителями и воспитателями пропитана Любовью, которой так щедро делился Василий Александрович и воспитывал в учениках и своих коллегах. Я не видел там ничего, что было бы сотворено, сделано, построено без Любви. Я увидел очень многое. В школе дышалось ароматом Любви, Добра, Искренности, Преданности. Я стоял перед маленьким крыльцом старинного школьного здания и воображал, как рано утром он стоит у крыльца и принимает каждого Ребёнка, принимает своих коллег, каждому улыбается, каждому дарит своё слово. А когда я оказался в его малюсеньком кабинете, вот тогда я ещё раз пережил свою радость, у которой нет конца.

Я вообразил: вот сидит он рано утром (может быть, поздно вечером) у своего рабочего стола, за которым он писал свои педагогические шедевры, слева от него лежит газета «Комсомольская правда», в которой он только что дочитал мою

статью; из пачки достаёт экземпляр книги «Сердце отдаю детям» (пачки привезли, может быть, сегодня, может быть, вчера), вскрывает её и своим неповторимым прямым бисерным почерком пишет на внутренней обложке:

«Уважаемому товарищу Ш. Амонашвили в знак большого уважения.

В. Сухомлинский
Павлыш, сентябрь, 1969 г.»

Но этим не довольствуется. Берёт лист бумаги и пишет: *«Уважаемый товарищ Амонашвили! Сердечное спасибо Вам за то, что в своей статье, опубликованной в „Комсомольской правде“, Вы сказали доброе слово о моих трудах. Высылаю Вам книгу, в которой раскрываются идеи, одобряемые Вами. Как хотелось бы мне, чтобы эта книга была прочитана моими грузинскими друзьями.*

С глубоким уважением – В. Сухомлинский
Сердечный привет коллегам – всем Вашим товарищам.
11.09.69»

Перечитывает письмо. Достаёт бумагу для шпалер, отрезает часть и аккуратно заворачивает в неё книгу. Склеивает. А сверху своей же рукой пишет:

«Заказная бандероль
г. Тбилиси
Грузинский научно-исследовательский
институт педагогических наук
им. Я. Гогебашвили
Старшему научному сотруднику
Ш. Амонашвили
–
УССР, Кировоградская область
Павлышская средняя школа
Сухомлинский В.А.»

Далее я воображаю, как входит к нему помощник, и он просит его отправить бандероль немедленно.

И эта радость спешит ко мне.

Я получаю книгу от Василия Александровича как Высшую Педагогическую Награду.

Приходят ко мне коллеги, учителя.

– Это правда, что сам Сухомлинский прислал тебе книгу?

– Правда… правда… – показываю книгу, письмо.

Просят дать почитать. Читайте, читайте! Сам читаю и перечитываю. Книга быстро потрепалась, но вижу – она тоже радуется вместе со мной.

В предисловии Василий Александрович пишет:

«Что самое главное было в моей жизни?

Без раздумий отвечаю: любовь к детям».

А теперь спросите меня тоже, что было самым главным в моей жизни, отвечу то же самое.

И вот что ещё пишет он в предисловии, какой устанавливает закон нам всем: *«Имея доступ в сказочный дворец, имя которому – Детство, я всегда считал необходимым стать в какой-то мере Ребёнком. Только при этом условии дети не будут смотреть на вас, как на человека, случайно проникшего за ворота их сказочного мира, как на сторожа, охраняющего этот мир, сторожа, которому безразлично, что делается внутри этого мира».*

Академик Григорий Давидович Глейзер, составитель тома Сухомлинского в серии «Антологии гуманной педагогики» предполагает, что творчество Василия Александровича Сухомлинского имеет глубокие христианские корни. Воспользуюсь его догадками:

«Учитель! Какая наибольшая заповедь в законе?

Иисус сказал ему: „Возлюби Господа твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим“. Сия есть первая и наибольшая заповедь; Вторая же подобная ей: „Возлюби ближнего своего, как самого себя“; На сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки».

А теперь спросим у Учителя земного, Василия Александровича Сухомлинского: «Учитель, какая наибольшая заповедь мира образования?»

Он нам скажет:

«Возлюби Ребёнка. Возлюби его сильнее, чем самого себя. Уверуй, что Ребёнок чище, лучше, честнее, талантливее тебя. Всего себя отдавай детям. И только тогда ты сможешь именоваться Учителем». Вот такая любовь к детям.

Я любил детей, но научился их любить от Василия Александровича Сухомлинского.

Жизнь как Любовь. И смерть как Любовь.

О Корчаке я был наслышан ещё в 60-х годах, но, к стыду своему, его произведений не читал. К нему меня направил Василий Александрович. В книге, которую он мне прислал, я вычитал следующее:

«Януш Корчак, человек необыкновенной нравственной красоты… Когда я вскоре после войны узнал о героическом подвиге

Януша Корчака, его слова стали для меня заветом на всю жизнь. Януш Корчак был воспитателем сиротского дома в варшавском гетто. Гитлеровцы обрекли несчастных детей на гибель в печах Треблинки. Когда Янушу Корчаку предложили выбрать жизнь без детей или смерть с детьми, он без колебаний и сомнений выбрал смерть. „Господин Гольдшмит, – сказал ему гестаповец, – мы знаем вас как хорошего врача, вам не обязательно идти в Треблинку". – „Я не торгую совестью", – ответил Януш Корчак. Герой пошёл на смерть вместе с ребятами, успокаивал их, заботясь, чтобы в сердца малышей не проник ужас ожидания смерти. Жизнь Януша Корчака, его подвиг изумительной нравственной силы и чистоты явились для меня вдохновением. Я понял: чтобы стать настоящим воспитателем детей, надо отдать им своё сердце».

Я сразу собрал все (что было возможно) издания книг Корчака и о Корчаке. Из Польши привезли мне фотоальбом о Корчаке и его Доме сирот, несколько книг на польском языке. Всего этого было мало, но тем не менее помогло мне углубиться в понимание Любви к детям. Я с чувством восхищения, иногда со слезами на глазах читал истории о Корчаке и его чудные книги о детях и для детей. Каждое слово Педагога, в котором жил ещё не свершившийся подвиг, я принимал с трепетом как адресованное лично мне. Каждое слово было пропитано духом героя и воодушевляло меня. Я спешил к детям – к маленьким, старшим, общался с ними, проводил уроки и постоянно упражнялся в проявлении любви к ним по Корчаку, по Сухомлинскому. Я тогда многое приобрёл, многому научился. Как студент, конспектировал наставления Корчака и старался по ним жить. Хотя моя природа и моё сознание принимали от него всё безоговорочно, тем не менее, я понял, как трудно ходить по узким тропинкам к сердцу Ребёнка. А узкая тропинка – это Педагогическая, Учительская Любовь. Вот какие законы «расставил» на ней Януш Корчак для неопытного молодого воспитателя:

– Будь самим собой, ищи собственный путь.

– Познай себя прежде, чем захочешь познать детей.

– Прежде, чем наметить круг прав и обязанностей, отдай себе отчёт в том, на что ты способен.

– Ты сам тот Ребёнок, которого должен раньше, чем других, воспитать, научить.

Тут следуют мудрые пояснения. Одна из грубейших ошибок, говорит Корчак, считать, что педагогика является наукой о Ребёнке, а не о человеке. И вот какой изумительной логикой он это доказывает: *«Вспыльчивый Ребёнок, не помня себя, ударил;*

взрослый, не помня себя, убил. У простодушного Ребёнка выманили игрушку; у взрослого – подпись на векселе. Легкомысленный Ребёнок за десятку, данную ему на тетрадь, купил конфет; взрослый проиграл в карты всё своё состояние».

Из этого следует вывод, о котором мир до сих пор не знал, и он должен изменить наше сознание, наше отношение к детям и к самому себе:

«Детей нет – есть люди, но с иным масштабом понятий, иным запасом опыта, иными впечатлениями, иной игрой чувств». Корчак наставляет: «Будь самим собой и присматривайся к детям тогда, когда они могут быть самими собой. Присматривайся, но не предъявляй требования».

Следует пояснение: «Тебе не заставить живого, задорного

Ребёнка стать сосредоточенным и тихим; недоверчивый и угрюмый не сделается общительным и откровенным; самолюбивый и совестливый не станет кротким и покорным… Если ты не обладаешь внушительной осанкой и здоровыми лёгкими, то напрасно будешь призывать галдящих к порядку».

Опять наставляет:

– Но у тебя добрая улыбка и тёплый взгляд. Не говори ничего: может быть, они сами успокоятся. Дети ищут свой путь.

– Не требуй от себя, чтобы ты уже сразу был степенным, зрелым воспитателем с психологической бухгалтерией в душе и педагогическим кодексом в голове.

И поясняет: «У тебя есть чудесный союзник – волшебная молодость, а ты призываешь брюзгу – дряхлый опыт». Вот еще наставление:

– Не то, что должно быть, а то, что может быть.

И пояснение: «Ты хочешь, чтобы дети тебя любили, а сам – обязанный добросовестно выполнять предписанную работу – должен втискивать их в душевные формы современной жизни, современного лицемерия, современного насилия. Дети этого не хотят, они защищаются и должны быть на тебя в обиде».

– Не наказывать, не награждать.

– Ты должен быть для них образцом.

Но вот вопрос: «А куда ты денешь свои пороки, недостатки и смешные стороны? Попробуешь скрыть. Наверное, тебе это удастся; ведь чем старательней ты будешь, тем старательней дети станут притворяться, что не видят, не знают, и потешатся над тобой, только самым тихим шёпотом».

Эти наставления я впитал в себя как школьник, устремлённый к познанию; как монах, устремлённый к совершенствованию; как артист, устремлённый к выражению. Я понял: очень трудно любить детей по Корчаку, по

Сухомлинскому, по Песталоцци.

«Трудно тебе, даже очень трудно, согласен! – говорил „мне“ Корчак, – Но трудности есть у каждого, а вот решать их можно по-разному. Ответ будет лишь относительно точен. Ведь жизнь не задачник по арифметике, где ответ всегда один, а способ решения самое большее два».

Я искал свои ответы – как любить детей – не только в непосредственном общении с детьми, но и в построении учебников и задачников для всех, в утверждении смысла духовности в содержание образования, в возвеличивании воспитания над обучением, в обогащении жизни детей через содержательную организацию полного школьного дня, с занятиями по шахматам, театру, балету, по творческому труду, играм и прогулкам… В общем, протаптывал тропинку Педагогической Любви всеми теми способами, которые могли доставить детям радость, развитие в многогранной деятельности, а самое главное, чувство того, что они в школе живут жизнью, которая манит их.

Корчак помог мне понять ещё одну мудрость, связанную с вопросом: что есть гармоничное развитие. Сколько только ни философствовали по этому поводу педагоги, считавшие себя учёными-законодателями – левое полушарие, правое полушарие… физическое, умственное, нравственное, эстетическое… высвободить всю полноту скрытых возможностей…

А Корчак иронически улыбается: «Наивный, попробуй! Общество дало тебе маленького дикаря, чтобы ты его обтесал, выдрессировал, сделал удобоваримым, и ждёт. Ждут государство, церковь, будущий работодатель. Требуют, ждут, следят. Государство требует официального патриотизма, церковь – догматической веры, работодатель – честности, а все они – посредственности и смирения. Слишком сильного сломает, тихого затрёт, двуличного порой подкупит, бедному всегда отрежет дорогу – кто? Да никто – жизнь!» А как же с гармоническим развитием, гармоническим воспитанием?

Корчак даёт простой совет, но от Высшего Педагогического разума: «Заповедь: люби ближнего своего – это гармония, простор, свобода. Глянь вокруг – улыбнись!»

Эта мысль освободила меня от лишнего научного мудрствования. Действительно: гармония – в любви ближнего. Если кто хочет быть гармоничной сущностью, пусть научится любить; если кто хочет воспитывать гармонию в детях, пусть научит их любить. Любовь проявляется многообразно. Что есть уважение? Одно из прекрасных форм проявление любви, конечно,

если оно искреннее.

Уважение есть проявление любви. Уважать Ребёнка – значит растить в себе Педагогическую Любовь. Так я понял защиту Корчаком прав Ребёнка на уважение. Я выписал наказы по этому поводу:

Уважайте незнание Ребёнка!

Уважайте труд познания!

Уважайте неудачи и слёзы!

Уважайте собственность Ребёнка и его бюджет!

Уважайте право Ребёнка быть тем, кто он есть!

Уважайте тайны и отклонения тяжёлой работы роста!

Уважайте его текущий час и сегодняшний день!

Уважайте каждую отдельную минуту, ибо умрёт она и никогда не вернётся!

Уважайте ясные глаза, гладкую кожу, юное усилие и доверчивость!

Уважайте, если не почитайте, ясное, непорочное святое детство!

А если всё это уважать, какая сложится педагогика?

Казарменная?

Нет, совсем нет! Она будет другая – корчаковская, сухомлинская, песталоцциевская и, вообще, классическая.

От имени всех классиков Януш Корчак скажет нам: «Воспитатель, который не сковывает, а освобождает, не подавляет, а возносит, не комкает, а развивает, не диктует, а учит, не требует, а спрашивает, – переживёт вместе с ребёнком много вдохновляющих минут, не раз следуя увлажнённым взором за борьбой ангела с сатаною, где светлый ангел побеждает».

Величие Ребёнка Януш Корчак раскрывает, сравнивая его со взрослым. Он пишет: «А взрослый – это сплошной винегрет, захолустье взглядов и убеждений, психология стада, суеверие и привычки, легкомысленные поступки отцов и матерей, взрослая жизнь сплошь, от начала до конца, безответственна! Беспечность, лень, тупое упрямство, недомыслие, нелепости, безумства и пьяные выходки взрослых…»

«И детская серьёзность, рассудительность и уравновешенность, солидные обязательства, опыт в своей области, капитал верных суждений и оценок, полная такта умеренность требований, тонкость чувств, безошибочное чувство справедливости».

Я полон Янушем Корчаком.

Это он впервые в мире написал книгу и назвал её так: «Как любить Ребёнка». Любить Ребёнка по-всякому нельзя. Если Любовь не воспитывает, она не для Ребёнка. Если в Любви нет

преданности и скрытой готовности к самопожертвованию, она тоже не для детей.

А теперь свершается последний аккорд Педагогики Корчака: жизнь его была Любовью к детям, и смерть тоже будет проявлением Любви к ним.

Я сопровождаю его и детей в своём траурно-торжественном воображении, как они направляются по варшавским улицам на вокзал.

Оттуда в товарных вагонах их отправят в Треблинку на сожжение, уничтожение в газовых камерах.

День 5 августа 1942 года.

В колонне двести детей. Дети одеты празднично. Они ещё не знают, что их ждёт. Они улыбаются.

Впереди идёт Януш Корчак с двумя детьми – самыми маленькими.

Над колонной развивается зелёное знамя с четырёхлепестковым золотым цветком клевера. Клевер – цветок счастья, надежды, любви.

Очевидец говорит: «Корчак объяснил сиротам, что их ждёт приятное событие – поездка в деревню. Наконец-то они могут покинуть стены отвратительных душных комнат, чтобы отправиться на луга, поросшие цветами, к источникам, где можно купаться, в село, где много ягод и грибов. Он велел детям получше одеться… Когда я встретил их на Гусиной улице, дети шли весело, с песней, Корчак нёс на руках двоих – самых маленьких, они тоже сияли, а Корчак рассказывал им что-то смешное…»

Воображаю это шествие, которому суждено свершить переворот педагогического сознания: искрой Великой Педагогической Любви сжечь старое сознание, в котором так много недоверия и неуважения к детям, так много насилия и принуждения, и дать возгореться костру, несущему Свет Возвышенного, Классического, Божественного Педагогического Сердца и Разума.

Товарный вагон загружают детьми.

Вот и комендант-гестаповец, ответственный за загрузку и отправление эшелона. Разыскивает ли он в толпе обречённых людей врача Корчака? Наверное, думает, что несёт ему радостную весть.

Дети уже погружены в вагон. Корчак поднимается последним.

В это время подходит комендант-гестаповец.

– Не вы ли написали «Банкротство маленького Джека»? – обращается он к Корчаку.

– А разве это как-то связано с отправкой эшелона? – отвечает

Корчак.

– Нет, просто я читал вашу книгу в детстве. Хорошая книжка. Вы можете остаться, доктор!

– А дети? – спрашивает Корчак.

– Невозможно, детей отправят…

Остаться без детей?

Бросить их одних в беде?

Зачем же тогда он родился?

Зачем же тогда, будучи 29-летним, отказался от личной жизни, от семьи, чтобы создать большую семью с детьми беспризорными, брошенными?

Зачем же тогда он, фронтовой врач русской армии, в лазарете написал книгу «Как любить Ребёнка?»

А что скажет царь Матиуш Первый о своём родителе?

Нет, такому не бывать.

Жизнь его была Любовью к детям, и он примет смерть вместе с детьми, Любя их.

– Вы ошибаетесь… – говорит он гестаповцу. – Вы ошибаетесь… Дети прежде всего…

И он поднимается в товарный вагон.

Двери вагона с шумом закрываются.

Эшелон трогается и ускоряет ход.

А ветер рассеивает по всему миру завещание Педагога, чтобы, у кого есть уши, услышали: «Растёт новое поколение, вздымается новая волна. Идут и с недостатками, и с достоинствами; дайте условия, чтобы дети вырастали более хорошими! Нам не выиграть тяжбы с гробом нездоровой наследственности, ведь не скажем мы васильками, чтобы стали хлебами. Мы не волшебники – и не хотим быть шарлатанами. Отрекаемся от лицемерной тоски по совершенным детям. Требуем: устраните голод, холод, сырость, духоту, тесноту, перенаселение! Это вы плодите больных и калек, вы создаёте условия для бунта и инфекции: ваше легкомыслие и отсутствие согласия. Внимание: современную жизнь формирует грубый хищник (хомо рапакс): это он диктует методы действия».

Укрепление веры

В начале семидесятых годов мы приступили к новому этапу нашего масштабного эксперимента – с участием многих учителей из разных регионов Грузии. Новое заключалось в том, что мы направляли весь педагогический процесс на воспитание личности каждого школьника через зарождение и развитие в нём мотивов нравственности и познания. У нас было своё определение подхода к личности: Ребёнок раскрывает свою личность в той мере, в какой мы направляем его к осознанию своей неповторимости, необходимости и своего предназначения в том едином целом, в котором он существует: это жизнь.

Личностью является не тот человек, кто ничего не делает и не хочет сделать со своим неотёсанным характером и скудным духовным миром, а тот, кто творит в себе характер как подарок людям, осознаёт свою исключительность среди людей, творит свой духовный мир.

Януш Корчак и Василий Александрович Сухомлинский, а также наш опыт помогли нам дать содержательную характеристику педагогическому общению. Мы пришли к выводу, что общение педагога, учителя с детьми, учениками должно быть: естественным («каждый предстаёт такой, какой он есть»), непринуждённым, дружелюбным, поощряющим творчество и мысль («чтобы парили высокие мысли»), равноправным («как человек с человеком»), доброжелательным, «благоговеющим перед духовным богатством – мыслями», взаимопонимающим, сорадующимся, сострадающим, сопереживающим, чутким, деловым, умеющим сотрудничать, возвышающим, уважающим, утверждающим, устремляющим, ценящим, вдохновляющим, одухотворяющим…

В педагогическом общении не допускаются:

грубость,
оскорбление,
повышение тона над другим,
раздражение,
пустословие,
верховенство,
угроза,
ложь,
фальшь,
корысть,
насмешка,
издевательство…

Мы тогда уже пользовались понятиями: духовность, любовь, вера, радость, но их не афишировали. Официальная педагогика их не признавала (и не признаёт) в качестве своих категорий. Даже слово радость является чуждым для педагогической науки. Но при разработке нового поколения программ и учебников, а также педагогических процессов, мы эти понятия принимали за основу, как часть нашего педагогического мировоззрения. Это так же, как говорил Песталоцци: «Мысля любить и любя мыслить». Из этого мы сделали вариации: «Воспитывая любить и любя воспитывать», «Уча любить и любя учить».

В основу наших новых разработок заложили также принцип свободного выбора. Говорили о гуманности, о гуманном подходе. Особым качеством второго этапа эксперимента стала для нас личность учителя и воспитателя. Мы уже твёрдо знали, что учитель реформирует школу, но он может и деформировать её. Участникам эксперимента мы объясняли, какую они играют решающую роль в том, чтобы педагогический процесс был вдохновляющим, возвышающим. Тогда мы и сформулировали систему педагогических аксиом:

Любовь воспитывается любовью,
Доброта воспитывается добротой,
Честность воспитывается честностью,
Духовность воспитывается духовностью,
Нравственность воспитывается нравственностью…

Мы готовили и учили учителей, но учились и сами. Я упорно упражнял себя в общении с детьми разного школьного возраста, совершенствовал своё искусство ведения уроков.

Дети экспериментальных классов – их было несколько тысяч – всё больше и больше радовали нас: специальные опыты и общие наблюдения подтверждали воспитанность детей в духе благородства, развитые способности и глубокие познания.

Мы каждый год меняли программы – расширяли, дополняли, ибо этого требовали всё более возросшие способности и интересы детей. В своём свободном творчестве учителя фейерверком открывали новые способы и приёмы, что их воодушевляло.

Я любил бывать на уроках учителей – городских, сельских, и как пчела перелетает с одного цветка на другой и собирает нектар, так я собирал открытые ими новые приёмы и способы. Я научился сразу находить с незнакомыми мне детьми общий язык, и получалось так, как будто мы давным-давно знаем и дружим друг с другом. Это облегчало мне проведение показательных уроков для учителей и при этом самому обогащаться опытом. Я чувствовал, что обретаю какое-то внутреннее состояние духа, которое твердило мне: я свершаю своё предназначение, свою

миссию. Я всё глубже познавал своё призвание, и, независимо от того, что возникало множество осложнений с властями и учёными, я был счастлив. Я свершал свою судьбу. Это чувство не покидает меня до сих пор и надеюсь, не покинет уже никогда. Оно источник моей веры. Я верил, и это помогало мне переносить много ударов: предательство друзей, нападки власти, критику в местной прессе, недобрые намёки со стороны партийных органов. Это только со второй половины восьмидесятых годов опасность постепенно спала и высшие партийные органы даже начали интересоваться нашим «буржуазным» опытом.

Но самым большим достижением этого периода было не то, что власть начала относиться к нам лояльно и даже с интересом, а то, что мы подтвердили для себя истинность мудрости Иоганна Генриха Песталоцци: *«В любви Ребёнок находит вдвое больше источник роста».*

Двадцатилетний эксперимент

В 1984 году в нашей жизни произошло одно знаменательное событие: мы завершили 20-летний эксперимент и наблюдения над бывшими нашими учениками, а потом – молодыми людьми, ставшими нашими друзьями.

В 1964 году мы открыли экспериментальный первый класс в тбилисской школе № 10 (школа находилась в рабочем районе). В начальных классах детей (их было 32) вела молодая учительница Додо Махарадзе. Она быстро восприняла наши педагогические установки, проявила творчество, и дети успешно перешли в пятый класс. Далее экспериментом руководила научный сотрудник института, кандидат педагогических наук Мери Романовна Догонадзе. В течение шести лет она практически постоянно находилась с ребятами и вела тончайшую работу по духовно-нравственному воспитанию. Дети начали проявлять самостоятельность мысли, требовательность к нравственным поступкам, они философствовали о смысле жизни, честности, о справедливости, о взаимоотношениях людей, о любви. Говорили и о вере, о Боге. Мы возвеличивали в них благородство и великодушие, взаимопонимание и взаимопомощь. Взращивали в них чувство любви, не отходили от обсуждения любви между девочками и мальчиками. Давали возможность поговорить о семье, о воспитании собственных детей, о преданности супругов и т. д. Создавали условия, чтобы они проявляли и утверждали свои нравственные качества в жизни.

Наряду с этим М. Догонадзе время от времени проводила естественного рода опыты по выявлению нравственной устойчивости подростков.

Детям было дозволено обсуждать качество уроков. Были случаи, когда некоторые учителя, возмущённые требования ми учеников изменить авторитарный стиль общения с ними и делать уроки интересными, углубить программы, дать им возможность самим оценивать свои знания, конфликтовали с учениками, уходили из класса. Но творческие учителя обретали славу своими успехами в работе с экспериментальным классом, ибо ученики охотно шли за ними и преуспевали.

За трудовую доблесть во время летнего лагеря в 1973 году класс был награждён Грамотой Верховного Совета Грузии. Это был первый такой случай в республике.

В разное время, в силу семейных обстоятельств, четверо учеников ушли в другие школы.

В 1974 году школу закончили 28 учеников. В том же году все

они поступили в разные вузы. Каждый месяц они собирались в школе, где мы обсуждали с ними жизненные вопросы, обсуждали действительность, в которой оказался каждый из них, проводили консультации.

В 1979 году они закончили вузы и начали работать по своим специальностям. Вскоре мы узнали, что пять парней женились на своих одноклассницах. Это была любовь со школьной скамьи. Мы продолжали и дальше встречаться с ними. Приходилось обсуждать более общие вопросы социальных взаимоотношений, отношения на работе. Понятия справедливости, честности, благородства, взаимности и т. д. проходили сложные испытания. У некоторых появились дети, и мы обсуждали вопросы о воспитании детей в семье, о любви в семье. В 1984 году мы прекратили регулярные встречи с ними.

Вот такой 20-летний педагогический эксперимент.

Мы убедились, что все они – наши бывшие ученики – в жизни стали просто хорошими людьми, которые не могут идти против совести. Они стали активными преобразователями жизни вокруг себя, из-за чего многие из них навлекали на себя жизненные осложнения, сталкиваясь с косностью. Семьи создали и все остальные, и не было ни одного случая распада семьи.

Борьба за честность давалась им с огромными усилиями.

«Ладо» рос хорошим весёлым мальчиком в школе, любил шутить, был шалуном. Но любил и физический труд. Будучи на четвёртом курсе, женился на однокласснице, красавице «Мзии». Появились двое детей. Они вдвоём не пропускали наши встречи, рассказывали о своих малышах, приводили их к нам, и мы радовались им. После окончания института «Ладо» быстро продвинулся по работе и стал прорабом, строил высотные жилые дома. На встречах он рассказывал о сложных взаимоотношениях с начальством. «Требуют, чтобы я сдавал им ложную смету или же отдавал кому-то цемент, блоки, кирпичи, которые были отпущены на строительство», – рассказывал нам «Ладо». «А ты что?» – спрашивали ребята. «Что я? – отвечал он с негодованием, – Я этого не делаю! Я не могу строить бракованный дом… Не могу грабить государство!» – «А что они?» – «Ах, – говорил Ладо, – они меня ругают, кричат на меня, говорят, что я не знаю жизни…» Спустя некоторое время мы узнали, что он уволился с работы и работает теперь в другой строительной компании. Там он разругался с начальством по той же причине.

– «Ладо», а ты не мог бы сделать им нужную смету? – спросил я.

– Вы бы научили меня, как быть бесчестным, тогда я составлял бы такие сметы, и тогда были бы довольны и они, и я –

построил бы себе дачу…

У всех наших бывших учеников жизнь складывалась нелёгкая, и они рассказывали не о том, как приспосабливаются к жизни, а о том, как стараются её перестроить, облагораживать.

Открываем уже открытое

Наш профессор постоянно озадачивал нас. Когда мы восторгались продвижениями детей на втором этапе эксперимента, он вдруг сказал нам:

– Возможностям Ребёнка нет пределов, и вы в этом убедились. Мы будем гнаться за ними, а этому конца не будет. Развивающий педагогический процесс доказывает эту истину. Мотивы, которые мы воспитывали в них, делали детей нашими сотрудниками в их же воспитании и обучении. Всё это хорошо, но должно же быть некое генерирующее условие, которое, с одной стороны, увлечёт Ребёнка, с другой же, поставит его перед необходимостью проявить свои разносторонние, глубоко скрытые возможности…

Он сказал это и вскоре ушёл из жизни.

Спустя годы в одной из книг я вычитал мудрость и восхитился проницательностью нашего профессора – Барнаба Иосифовича Хачапуридзе:

«Кто мучается земными вопросами,
тот ответа о небесном не получит».

Идея о некоем «генерирующем условии» задела нас. Мы потратили почти четыре года теоретического и экспериментального поиска этого нового для нас фактора. За это время каждый из нас прошёл самые прекрасные и высшие курсы углубления в педагогические проблемы через философию, психологию, историю, антропологию, классическую педагогику. Лично я понял тогда, что загадку не разгадать без Религии.

В поиске чего-то очень важного мы создавали разные исследования и совершенствовали эксперимент.

Наконец, мы открыли эту тайну, но она оказалась вовсе не тайной, но хорошо забытой старой истиной. Тайна умещается в одно прекрасное слово – Жизнь.

Перед нами засияла мысль Константина Дмитриевича Ушинского: «…не нужно забывать, что дитя не только готовится к жизни, но уже живёт; а это очень часто забывается как родителями, так и посторонними воспитателями и школой, а эта забытая, непризнанная жизнь Ребёнка напоминает о себе теми прискорбными извращениями в характере и наклонностях, о которых воспитатель не знает, откуда они взялись, так как он сеял, кажется, только одно хорошее; но эти слабые семена заглохли, подавляемые роскошным ростом других растений, которые сеяла жизнь и жадно воспринимала душа дитяти, подобная сильной и богатой почве, которая, если ей не дадут

возможности произвести пшеницу, будет производить бурьян, – но непременно будет производить».

Из этого мы сделали вывод: значит, педагогический процесс со всеми действующими в нём условиями должен предоставлять Ребёнку Жизнь, то есть, педагогический процесс сам должен стать Жизнью. И тогда Жизнь сама направит Ребёнка, он узнает кого и что любить, к чему стремиться; она сама зародит в нём мотивы, разовьёт чувства, будет утончать мыль; она сама пробудит в нём способности, возможности, задатки и таланты. Жизнь будет приглашать всю природу Ребёнка, всю его сущность. Она будет звать Ребёнка на помощь, чтобы он спасал её, защищал, улучшал и облагораживал.

И какая должна быть эта Жизнь? Всякая?

Нет, детям не нужна всякая жизнь. Есть Жизнь, которая возвышает человеческую сущность, а потом сама человеческая сущность начнёт возвышать Жизнь. Но есть жизнь, которая унижает человека, разрушает его, и потому в дальнейшем он сам будет прилагать усилия разрушить и унизить жизнь.

Детям нужна одухотворяющая Жизнь, им нужна Жизнь, которая вмещает в себя всё воспитание, всё образование, всё обучение, всё развитие как своё естество. Это так же, как является для Жизни естественным биение сердца, общение человека с человеком, любовь к ближнему, переживания радости и горя…

Кто строит для детей такой уровень Жизни и вовлекает их в него, тот и любит детей, любит каждого Ребёнка; того будут любить и дети, будет любить того каждый Ребёнок.

Мы начали философствовать о Жизни, и я впервые соприкоснулся с Павлом Флоренским, с Иваном Ильиным, с Николаем Бердяевым. Наше педагогическое сознание расширилось. Нам понадобились понятия для выражения общего направления: Жизнь, Воспитание Жизни в Ребёнке, Воспитание Жизнью, Духовность, Гуманность, Духовный Гуманизм, Благородство, Воспитание Благородного Человека, Общение, Вера. Мы искали раскрытие этих понятий на основе принципа Песталоцци:

«Мысля любить и любя мыслить».

Мы попытались осмыслить и дальше развить наше педагогическое направление через эти понятия, и оно приняло название: Гуманно-личностный подход к детям в образовательном процессе. Оно входит в более целостное понятие – Гуманная педагогика. В учительской среде его обласкали ещё понятием – Педагогика Любви.

Так и начало оно входить в сознание многих тысяч учителей, так оно отражается в научно-педагогической литературе.

Благая Весть о Любви

Меня всегда что-то тянуло к Святым Писаниям.

Может быть, потому, что они были запретными плодами моего детства? Может быть, потому, что я помнил, как тайком крестили меня, семилетнего, в цинандальской церквушке? Молитвы бабушки, наверное, тоже давали знать о себе.

Будучи школьником, я знал, что есть такая Книга – Библия. И хотя о Боге и о Слове Бога никто мне доброе слово не говорил, кроме бабушки, я чувствовал, что в этой Книге должны быть записаны какие-то очень важные тайны.

Тяга была, но такая: «И хочется, и колется».

И вот в то время, когда мы искали нечто очень важное и не знали, что это такое, в лабораторию вошла второклассница – настоящий ангелочек, и небесным голоском пропела:

– Шалва-учитель, я вам подарок принесла…

Ой, какая улыбка на её лице сияла!

Она протянула мне старинную книгу, потрёпанную.

Это был Новый Завет!

– Кто тебе велел это передать? – спросил я с удивлением.

– Никто. Папа всё время читает её, и я подумала, что она вам тоже будет интересна…

– А папа знает, что ты взяла из дома эту книгу?

– Да, я попросила дать мне, чтобы вам подарить!

– А он что?

– Он сказал – хорошо… И я вам дарю её…

И она побежала, счастливая, что преподнесла мне Радостную Весть.

В старинной книге были закладки, и я начал читать эти страницы.

Неужели для меня отец ангелочка закладывал страницы?

Впервые я читал величайший из всех гимнов – Гимн о Любви. Читал, впитывал и начинал понимать, ч т о есть Любовь, которая дарована человеку Господом Богом: Бог есть Любовь, сам Бог есть Любовь! Она творящая всемогущая сила, энергия творческая – неисчерпаемая.

В Гимне этом я познал и источник смысла жизни, и основу педагогики. Я выучил его наизусть и даже нашёл свой способ записать на бумаге так, чтобы подчеркнуть значимость каждого слова и каждой фразы.

Вот и пишу его здесь с помощью моего способа.

Если я говорю языками
человеческими и ангельскими,

а Любви не имею,
то я —
медь звенящая и кимвал звучащий.
Если имею
дар пророчества,
и знаю
все тайны,
и имею
всякое познание
и всю веру,
так что могу и горы переставлять,
а не имею Любви, —
то я
ничто.
И если я раздам
Всё имение моё
и отдам
тело моё на сожжение,
а Любови не имею, —
нет мне в этом
никакой пользы.
Любовь долготерпит,
милосердствует,
Любовь не завидует,
Любовь не превозносится,
не гордится,
не бесчинствует,
не ищет своего,
не раздражается,
не мыслит зла,
не радуется неправде,
а сорадуется истине;
всё покрывает,
всему верит,
всего надеется,
всё переносит.
Любовь никогда не перестаёт,
хотя
и пророчества прекратятся,
и языки умолкнут,
и знание упразднится;
Ибо мы отчасти знаем и отчасти пророчествуем.
Когда же наступит
совершенное,

тогда то, что отчасти,
прекратится…
А теперь пребывают сии три:
Вера, Надежда, Любовь;
но Любовь из них —
больше…
Достигайте Любви;
ревнуйте о дарах
высших.

Это от Святого Апостола Павла.

А другая закладка открыла мне страницу от Святого Апостола Иоанна и я прочёл следующее:

Бог есть
Любовь,
И пребывающий
в Любви
пребывает
в Боге,
и Бог в нём.
В Любви
нет страха,
но совершенная
Любовь
изгоняет страх,
потому что в страхе есть мучение;
боящийся
не совершенен
в Любви.
Дети мои!
Станем
Любить
не словами и языком,
но делами
и истиною.

Бог есть Любовь.

А человек сотворён по образу и подобию Бога.

И заложил в него дар Любви.

Значит, надо помочь человеку открыть в себе этот дар, и тогда человек тоже станет Любовью.

И что же человек, как Любовь, сотворит на Земле и на Небесах?

Фантастика!

Так маленький ангелочек дал импульс расширению моего педагогического сознания.

Там, где не царствует Любовь

Гуманная педагогика, как она сложилась в моём сознании и практике, есть вариация на тему классической педагогики. Она отличается от традиционной авторитарной педагогики не тем, что призывает образовательный мир к ненасилию, а тем, что выводит из обихода педагогического сознания и образовательной действительности насилие как понятие и как деяние.

Если в образовательном процессе есть насилие, значит, есть и причина, его порождающая. Причина эта лежит в самом образе мышления тех, которые теоретизируют педагогику (то есть, учёных) и тех, которые строят практику (то есть, учителей и воспитателей).

Причина не мелочная, не такая, чтобы было бы достаточно умоляюще попросить учителей и воспитателей не пользоваться насилием применительно к своим ученикам и воспитанникам. Попросить, конечно, можно, можно и пристыдить их, даже пригрозить законом, но они, учителя и воспитанники, если даже сто раз пообещают, что так больше не будут, всё равно то и дело будут применять насильственные меры. И это потому, что причина, провоцирующая их на силовой подход к детям, есть опора, точка отсчёта педагогического сознания: материалистический взгляд на мир образования, на самих детей.

Материалистическое педагогическое сознание ведёт учителя к такому роду образовательной практики, когда знание превращается в товар и в предмет купли-продажи, когда святое служение становится услугой и тоже подвергается продаже, когда ненаблюдаемые и неизмеряемые материалистическими мерками следствия воспитания и духовного роста (скажем, великодушие, благородство, совесть, справедливость, вера, любовь…) отклоняются как не имеющие товарный вид, когда личность школьника воображается как ходячая цифра в виде отметок и баллов, когда…

Материалистическое педагогическое сознание может иметь только одно детище – авторитарную педагогическую практику. В нём не приживётся принцип Песталоцци – «мысля любить и любя мыслить», у него свой принцип – «мысля требовать и требуя мыслить». Детей можно любить, если они не будут мешать педагогическому процессу; их можно любить, если они хорошие, а нехороших лучше вывести из сферы преподавания.

Но неужели нужна будет глубокая наука, чтобы понять:

Там, где не царствует Любовь,
троном обязательно завладеет злоба.

Там, где не почитается Дух,
будут обязательно почитать выгоду.
Там, где нет веры, обязательно
восторжествуют неверие и недоверие.
Там, где нет Света,
обязательно наступит тьма.
И, вообще, там, где не нуждаются в Боге,
обязательно возрадуется безбожие.

Авторитарная педагогика, конечно, осознаёт свою неприглядность. Потому сама же призывает себя к ненасилию, прикрывается возвышенными понятиями, в том числе понятием гуманности.

Но гуманность – понятие высшего порядка: оно означает «богопознание»; гуманный – тот, кто познаёт в себе Творца, познаёт Свет в себе. А в материалистическом сознании смысл гуманности не выходит за грани человеческих взаимоотношений. Для педагогики ненасилия, что есть старание облагораживать силовой педагогический процесс, слово «гуманный» в его материалистическом смысле становится способом прикрытия.

Гуманная педагогика есть суть всей классической педагогики, основанием которой являются такие высшие смыслы, как: ДОБРОТА, ВЕРА, ДУХОВНОСТЬ, ЛЮБОВЬ, БОГ. Педагогика в этом отношении, как выразился Климент Александрийский (один из отцов раннего христианства – 150–215 – годы жизни) в своей классической книге «Педагог» – есть «путь по прямому направлению к Богу». Действительно, в основе классических педагогических учений нетрудно обнаруживать христианские начала, что и делает их учениями из Будущего.

Я стажируюсь у Константина Дмитриевича Ушинского

С целью углубления в смысл гуманного образования я прошёл стажировку у Константина Дмитриевича Ушинского. Вот какие вопросы задал я ему и какие получил ответы.

– Константин Дмитриевич, скажите, пожалуйста, что вы мыслите под понятием «гуманное образование»?

Ответ: *«Под именем гуманного образования надо разуметь, вообще, развитие духа человеческого, и не одно формальное развитие».*

– Что может быть содержанием гуманного образования?

Ответ*: «Человека можно развить гуманно не только изучением классических языков, но ещё гораздо более и прямее: религией, языком народным, географией, историей, изучением природы и новыми литературами».*

– Какое влияние может оказать на душу ребёнка гуманное образование?

Ответ: *«В гуманно-образовательном влиянии учения надо отличать собственно два влияния: влияние науки и влияние самого учения. В низших и средних учебных заведениях главную цель учебной деятельности составляет сам человек, в университетах – наука; хотя при первом стремлении мы всё же будем изучать науку, а при втором – всё же будем гуманизироваться изучением науки».*

– В чём вы находите различие между реализмом и гуманизмом в образовании? Способно ли содержание образования решить вопрос развития духа?

Ответ*: «Реализм и гуманизм можно найти в каждой науке, и различие это заключается собственно не в различии наук, но в различии способа их изучения. Можно из истории сделать реальную науку, можно из Закона Божия сделать тоже реальную науку, – за примером ходить недалеко; наоборот, можно арифметикой и химией развивать гуманность в человеке, и даже обучение грамоте можно сделать гуманным и реальным».*

– Как это может произойти и какие недоразумения на этом пути нас могут ожидать?

Ответ: *«Реализм начинается тогда, когда мы ищем в науке не мысли, не пищи духу, развивающей его и укрепляющей, не уясняя воззрений человека на самого себя и внешний мир, а именно только те знания, которые необходимы для той или другой отрасли человеческой жизни».*

– Каковы, по-вашему, следствия возвеличивания реального образования?

Ответ*: «Реальное направление в образовании пагубно для человека, если он прежде не был развит гуманно; оно сушит, убивает в человеке человека. Даже для самого реализма необходим гуманизм как основание. Потому общее гуманное образование должно составлять главную цель низших, средних и даже отчасти высших учебных заведений».*

– Что вы считаете главным для гуманного образования?

Ответ: *«Каждый класс, начиная с самого младшего, должен иметь своё округлённое мировоззрение, доступное возрасту учеников, и в центре этого мира, отразившегося в детской душе, должна блестеть, как солнце, всё освещая и согревая, нравственная гуманная христианская идея. С каждым годом это мировоззрение должно углубляться, расширяться и пополняться: тогда только дитя найдёт жизнь в школе, а не непонятную букву, ведущую его к непонятной, отдалённой цели; тогда только и школа войдёт в жизнь человека, а не будет неизбежной, скучной процедурой детского возраста».*

– И в связи с этим, стало быть, надо задуматься о построении наук в школе?

Ответ*: «При распределении предметов преподавания в общеобразовательных заведениях должно иметь в виду не науки в их отдельности, а душу учащегося в целости и его органическое, постепенное и всестороннее развитие…»*

– Скажите, пожалуйста, о значении Любви в гуманном образовании?

Ответ: *«Любовь единственное средство подчинить себе душу человека. Кто повинуется другому из Любви, тот повинуется уже требованию собственной души и делает чужое дело своим… Нужно только, подходя к Ребёнку, быть самому совершенно чистым в душе».*

– Константин Дмитриевич, как бы вы назвали гуманность, в которой не мыслится душа, духовность?

Ответ: *«Это была бы искусственная, поддельная гуманность. Такой гуманностью редко обманешь Ребёнка. Она несёт ему вред именно своей поддельностью».*

Я кланяюсь Великому Учителю и остаюсь стажёром у него на всю жизнь.

Допущения гуманной педагогики

Случилось так, что всё психолого-педагогическое наследство, наработанное лабораторией экспериментальной дидактики за время 25-летней масштабной творческой деятельности, досталось мне. Некоторые из моих дорогих коллег ушли из жизни, некоторые перешли на другую работу. А потом времена изменились, в силу чего в Грузии гуманная педагогика была вытеснена. Лабораторию закрыли.

Я остался не совсем один. Рядом со мной – моя спутница жизни – Валерия Гивиевна Ниорадзе, с которой вместе и с коллегами мы когда-то создавали лабораторию и нарабатывали наследство.

Наследство было богатое: научные труды и диссертации, идеи, обобщения экспериментальных наработок, опыт создания программ и учебников, искусство работы с детьми, много новизны, мировое признание и имя.

Надо было придать всему этому системность и предложить педагогическому сообществу.

Я попытался это сделать.

Воспользовался методом допущений, на что каждый имеет право. Исходя из характера нашего наследства, из тех идей, которые мы берегли или закладывали в подтекстах, я выдвинул три постулата в качестве основы гуманно-личностной педагогики (Школы Жизни).

Первый постулат: я признаю реальность Творца, Бога и постоянно развивающего тварного мира.

Второй постулат: признаю бессмертие человеческого духа как сущностной части тварного мира, и его вечную устремлённость к совершенствованию, цель которого – стать соработником у Бога в творении мира.

Третий постулат: признаю, что земная жизнь есть отрезок пути восхождения человека.

Эти допущения не являются чем-то новым для философского мира. Но выводы в отношении Ребёнка, которые могут вытекать из них, заставляют иначе взглянуть на образовательную действительность. Если эти допущения принимаются за истину, а я их такими и признаю, тогда можем сделать следующие три вывода.

Первый вывод: Ребёнок есть явление в нашей земной жизни; он родился, потому что должен был родиться.

Второй вывод: Ребёнок есть носитель своего предназначения, своего пути, своей миссии.

Третий вывод: Ребёнок есть носитель неограниченной энергии духа, «он всё может».

Эти допущения и выводы я объединяю под единым понятием духовности и принимаю её в качестве четвёртого измерения педагогического сознания. Каковы же первые три измерения? Они дают картину материалистических аспектов воспитания. Любая педагогика знает их: наследственность, стихийная среда и особо организованная среда. А четвёртое измерение – духовность – известна в основном классической педагогике. «Четвёртое» не значит – последнее. Духовность ведёт педагогическое сознание, она и есть основная сила для созидания гуманной педагогики.

Я не считаю, что своими допущениями и введением четвёртого измерения открываю что-то новое. Новое состоит в том, что из недр классической педагогики возрождаю «хорошо забытое старое», а оно на фоне ограниченного материалистическими нормами педагогического сознания, перекосившегося в авторитаризм, выглядит новым. Однако если современное педагогическое сознание далее будет развиваться на основе измерения духовности, то оно откроет много нового и в теории, и в практике.

Через измерение духовности приоткрываются духовные смыслы части педагогических понятий. Особый путь поиска этих смыслов дают нам следующие трактовки:

Школа – это лестница восхождения души и духовности растущего человека.

Учитель – это душа, носитель Света.

Образование – это процесс раскрытия в человеке образа Творца.

Гуманный – это человек, ищущий в себе связь с Высшим.

Для понимания естественной природы Ребёнка из накопленных научных психологических знаний выделяю три особых устремления.

Первое – развитие.

Второе – взросление.

Третье – свобода.

Ведущей силой педагогического процесса является личность учителя, личность воспитателя. Его характер, мировоззрение, устремление, культура, его духовно-нравственный мир, знания, образ жизни, привычки, его любовь к детям и своей профессии, в общем, вся его личность предопределяют качества педагогического процесса. Качества эти зависят не столько от хороших программ, учебников, методов, «новых технологий», оборудований, средств и прочее, а в первую очередь от личности учителя.

Потому возвышение и совершенствование духовно-нравственного мира учителя, забота общества об учителе – решает проблему всякого успешного обновления образовательной действительности.

Гуманная педагогика предлагает учителю соблюдать и творчески применять в образовательном процессе принципы:

– сущностносообразность,

– творящее терпение,

– одуховторение,

– воспитание жизни в Ребёнке с помощью самой жизни,

– облагораживание среды вокруг Ребёнка.

Целью воспитания провозглашается облик Благородного Человека.

Всеначальной энергией всех сфер образовательной действительности является Любовь к Ребёнку.

Это мировоззренческое начало гуманной педагогики (гуманно-личностного подхода к детям) легло в основу системы Школа Жизни. Все теоретические и практические аспекты образования рассматриваются тоже через это мировоззрение.

Защитники

Направление гуманно-личностной педагогики находило поддержку учителей и части учёных по всему Советскому Союзу и в мире уже с 60-х годов прошлого века. Оно прошло сквозь линию фронта идеологической войны и выдержало жестокие атаки приверженцев педагогического авторитаризма.

Но его поддерживали и защищали люди, имеющие имя, авторитет и власть. Среди них были:

Асмолов Александр Григорьевич
Давыдов Василий Васильевич
Предтеченский Олег Александрович
Загвязинский Владимир Ильич
Запорожец Александр Романович
Зуев Дмитрий Дмитриевич
Кезина Любовь Петровна
Кондаков Михаил Иванович
Кудряшова Лариса Евгеньевна
Лашкарашвили Тамара Васильевна
Леонтьев Алексей Алексеевич
Лихачёв Дмитрий Сергеевич
Матвеев Владимир Фёдорович
Матятин Олег Петрович
Никандров Николай Дмитриевич
Ниорадзе Гиви Трифонович
Патиашвили Джумбер Ильич
Петровский Артур Владимирович
Положевец Пётр Григорьевич
Попхадзе Григорий Георгиевич
Поцхишвили Александр
Прокофьев Михаил Алексеевич
Рябов Виктор Васильевич
Соловейчик Симон Львович
Соловейчик Артем Симонович
Столетов Всеволод Николаевич
Фельдштейн Давид Иосифович
Чавчавадзе Нико
Чикваная Леван Фомич
Хачапуридзе Барнаб Иосифович
Эльконин Даниил Борисович
Ягодин Геннадий Алексеевич

Прошла гуманно-личностная педагогика через стыковку двух

тысячелетий и шагнула в двадцать первый век. Она и стремилась к этому веку, чтобы помочь ему в борьбе за защиту детей. Начала проникать в сознание многих тысяч учителей.

На фоне такого отношения к гуманной педагогике мы с Валерией Гивиевной продолжили свою деятельность в России и странах, составляющих ранее Советский Союз и ставших независимыми государствами.

Что же мы свершили в этом пространстве? Вот какой получается у меня отчет:

• За последние пятнадцать лет более двадцать тысяч учителей прошли курсы повышения квалификации по основам гуманной педагогики и получили сертификаты и удостоверения.

• В разных городах и регионах созданы более двухсот лабораторий гуманной педагогики, накапливающие опыт искусства – как любить детей.

• Несколько десятков школ в экспериментальном режиме практикуют систему гуманно-личностного подхода к детям в образовательном процессе.

• Созданы постоянно действующие мастер-классы по гуманной педагогике для студентов и аспирантов.

• Разработаны спецкурсы об основах гуманной педагогики для студентов педагогических университетов и колледжей.

• При Московском городском педагогическом университете создана Лаборатория гуманной педагогики.

• Защищаются кандидатские и докторские диссертации по проблематике Гуманной педагогики.

• Для издания научно-методической литературы по гуманной педагогике создан Издательский Дом Шалвы Амонашвили.

• Ежегодно проводятся Международные Педагогические Чтения.

Факел Духовности и Любви

Меня давно – с 70-х годов волновал вопрос об ограниченности сознания многих учителей. Это была не их вина, а того образа подготовки учителей или системы повышения квалификации, которые бытовали в то время. К сожалению, эта проблема ещё больше обострилась с наступлением капитализма.

На что может быть направлено материалистическое педагогическое мышление, если в обществе царствует принцип рынка?

По сути, принцип рынка есть завершенная идеология капиталистического строя, в основе которого лежит общество потребления. Он направляет сознание людей на материальные блага, удовольствия, потребительскую страсть. Иметь, богатеть, брать от жизни всё, заботиться о своих личных интересах пусть даже в ущерб других. Любой разговор об общечеловеческих ценностях, а такими являются Вера, Нравственность, Праведность, Справедливость, Красота, Благородство, Любовь, в условиях рыночной идеологии будет только способом отвода глаз от действительности. Если эти ценности не примут товарный вид, они потеряют смысл. В образовательном мире, который для меня есть Храм и потому область святая, тоже врывается рыночная идеология и начинает его разрушать. То, что нужно рассматривать как служение, переименовывается в «образовательные услуги» и на них накладывается цена. Сознание большинства учителей ещё сильнее привязывается к материалистическому взгляду на свой труд и на Ребёнка. Расширить сознание учителя и зародить в нём искреннюю любовь к детям возможно, прежде всего, на основе понятия духовности – этого четвёртого измерения. В этом случае учитель поймёт закон Песталоцци:

Пусть учитель, помогая, живёт для вечности,
но пусть, живя, помогает настоящему.

Вся классическая педагогическая литература, изданная в советский период, подгонялась под коммунистическую идеологию, из произведений классиков безжалостно изымались мысли, которые не соответствовали или противоречили материалистическому мировоззрению. Но беда была ещё и в том, что у будущих учителей не прививали страсть к чтению произведений классиков и их последователей. Это положение, как мне представляется, не изменилось и после смены социального строя. Коммунизм, как идеология, строился на так называемом диалектическом материализме; и капитализм тоже строится на

идеологии материализма, но более грубого и откровенного. Предупреждение К.Д. Ушинского, что надо защитить детей от опошляющей реальности и от торгашеского направления, которые из жизни начинают проникать в школу, сегодня как нельзя кстати.

Остро чувствуя духовное обнищание многих учителей, я задумал создать для них многотомную «Антологию Гуманной Педагогики». Еще будучи членом Верховного Совета СССР, я попытался воспользоваться своим положением и предлагал свой план издательствам, министрам, партийным органам, однако не нашёл поддержку. Но находясь в гуще жизни, понимая, в каком направлении идет ее развитие, я чувствовал, что Учитель не может научиться искусству любить детей, этому высшему, утончённейшему виду искусства, не зная подлинного Песталоцци, подлинного Ушинского, подлинного Корчака и подлинного Сухомлинского? Не зная того глубочайшего общего источника, из которого подлинные классики черпали силу осознанной Любви.

Я мечтал издать «Антологию» как чашу педагогической мудрости, в которую вошли бы, в качестве источников гуманной педагогики, наряду с трудами классиков и их спутников, тексты Святых Писаний, философские воззрения, психологические учения всех времен и народов.

И когда Великий Союз развалился, я нашёл мецената, который был готов оказать финансовую поддержку начинанию этого дела. Мы зарегистрировали Издательский Дом Шалвы Амонашвили. Встал вопрос о главном редакторе «Антологии».

И я обратился к Дмитрию Дмитриевичу Зуеву.

Дмитрий Дмитриевич в моей судьбе сыграл исключительную роль. В советское время он возглавлял издательство «Просвещение» и славился тем, что всегда, в течение 25 лет, все учебники всех классов, все методические пособия, все программы выпускал точно в срок и качественно. О нём еще говорили, что он «Димократ» и даёт себе волю ослушаться партийного руководства. Одно его выступление на каком-то совещании меня поразило смелостью и необычностью. И еще, что поражало меня, когда я просматривал книги «Просвещения» после прихода нового директора – это появление литературы, прямо направленной на воспитание личности ученика и учителя, библиотека директора школы, библиотека для учащихся, выходящие за рамки программ… Все это расширяло горизонты школ, способствовало развитию творческого мышления и, естественно, импонировало мне.

Я не был знаком с Д.Д. Зуевым и даже не мечтал что-либо издавать через «Просвещение».

Но вот однажды, когда уже в который раз, министр образования Грузии запретил нам ходить в школу, потребовал закрыть эксперимент как антипедагогический и я был в отчаянии, Валерия Гивиевна, которая верила, что это временное явление, сказала мне:

– Это даже хорошо. Ты давно мечтал написать книгу. Теперь у тебя есть на это дело достаточно времени. Сядь и пиши…

Я послушался. Заперся в своей комнате, и мысли потекли. Я даже не думал о том, что пишет моя рука, я писал и наслаждался этим занятием, ибо впервые писал книгу на русском языке, и этот язык подчинялся моей воле. На моём письменном столе бегали дети, кто-то заглядывал в страницы – «Что вы пишете?», кто-то возник в сознании – «Пиши обо мне…» Детский «жриамули» сопровождал меня всё время, как музыка. Летели дни и ночи, рукопись росла… Входит Валерия.

– Отдохни немножко, послушай музыку… – и включает проигрыватель с песнями Марка Бернеса.

Одна песня меня ударила словно током.

Послушал ещё и ещё раз.

У моей недописанной книги не было названия, о нём я как-то и не думал. Но вот оно – название! Марк Бернес мне его дарит:

«Здравствуйте, дети!»

И я снова погружаюсь в свою книгу, снова встречаю на пороге школы своих учеников. Им всего шесть лет. А совсем недавно в школу шли в восемь, а позже – в семь лет. Не рано ли им в шесть?

– Нет, не рано! – слышу я голоса детей. – Нам хочется в школу, мы готовы учиться!

– Ну, здравствуйте, дети! Заходите в класс, я убуду вашим учителем!

И снова кто-то сверлит сознание: «Пиши обо мне».

Я пишу. Дверь закрыта, телефон отключён. Но процесс рождения книги идёт.

Почему в Тбилиси закрыли эксперимент?

В Тбилиси приезжает корреспондент газеты «Правда» Олег Петрович Матятин. Идёт расследование.

А я, теперь уже в книге, присаживаюсь на корточки перед Марикой и ласково шепчу ей на ушко возможный вариант решения задачки…

Как это интересно – писать свою первую книгу!

Как незаметно и быстро летит время…

Входит Валерия.

– Вот почта… – она кладет на стол письма и газеты.

Среди писем один странный конверт – важный, на нём гриф «Просвещение». Достаю письмо. Оно от Д.Д. Зуева! Он пишет:

«Прочитав о Вас статью в газете „Правда“, я хотел бы издать книгу мудрого грузинского учителя. Если у вас есть что-нибудь для нас, прошу прислать рукопись». Я воодушевлен. Зачем отправлять, сам привезу!.. И вот я в Москве.

В кабинет директора издательства за столом Розана Дмитриевна Карпенко – заведующий редакцией начальной школы, там же редактор и художник. Дмитрий Дмитриевич отрывается от рукописи.

– Ну что же, Шалва Александрович, – говорит он, – пишите дальше… Это очень, очень интересно, ибо Вы пишете о глубокой любви к детям. Страна переходит на обучение детей с шестилетнего возраста. Я уже говорил с министром просвещения России о вашей книге и Александр Иванович Данилов подтверждает мое решение ее издать…

Было это в 1981 году.

А в 1983 году книга – «Здравствуйте, дети!» – выходит тиражом в 400 000 экземпляров.

Успех моего откровения огромен Д.Д. Зуев требует продолжения. Вскоре издаются вторая и третья книги: «Как живёте, дети?» и «Единство цели». Далее книги переиздаются, переводятся на разные языки, и их общий тираж превышает два миллиона экземпляров! (С грустью констатирую, что ни одна из них так и не вышла в грузинском педагогическом издательстве.)

Вот так, Дмитрий Дмитриевич Зуев, не боясь издать «буржуазного» педагога, прославляет меня на весь мир.

Об этом Зуеве идёт речь – «Антология» ждала его.

Тогда, в середине девяностых годов, он только что, не вписавшись, по его словам, в рыночно-денежные отношения, ушёл из издательства.

Мы вместе со своим меценатом пришли к нему домой, объяснили идею и предложили стать главным редактором «Антологии Гуманной Педагогики». Спустя пару дней раздумий он согласился.

Дмитрий Дмитриевич пришёл со своим дополнением к проекту: издавать «Антологию» комплектом по пять книг – Мудрость Древних, Восток, Запад, Россия, Современная Гуманная Педагогика, а также в каждой конкретной книге отразить не всегда совпадающие точки зрения автора произведений, составителя тома и первого читателя, который оставляет в книге свои пометки.

Таким образом, «Антология Гуманной Педагогики» – это не очередная хрестоматия, а вечно восходящая Истина, Чаша Педагогической Мудрости, протянутая нам добрыми руками из Будущего.

«Антология» – носитель духовности, её основа – Вера и Любовь. Она несёт учителю высший образ педагогического мышления, она может вдохновить, зажечь, устремить учителя к свершению творческого педагогического подвига.

«Антология» взращивает в учителе Любовь к детям и учит, как надо мудро их любить.

Издано уже 55 томов.

Исполняется моя мечта. Она стала заветной и для главного редактора «Антологии».

Дмитрий Дмитриевич Зуев, ныне профессор, член-корреспондент Российской Академии Образования, своим чутким учительским сердцем всегда поддерживает меня и дарит мне богатства дружбы. Он готовил тома «Антологии» и продолжает это делать бескорыстно, ради любви к Детям и их Учителям.

Соты Мудрой Любви к детям

Можно ли собирать Любовь, собирать Мудрость Любви к Детям?

Можно ли дарить друг другу с огромным трудом и в муках творчества набранную крупицу Мудрости Педагогической Любви?

Можно, нужно, необходимо это делать.

Потому надо объединиться, надо сотрудничать. Надо создать крупные соты, куда прилетят пчёлы со всех цветущих полей и принесут свои пылинки. Соты наполнятся. Мёд этот будет Учительской Любовью, Учительской Мудростью Любви. А из сот каждый может унести с собой столько, сколько его сердце и разум будут в состоянии вместить в себя. И разлетятся пчёлы по своим полям, поспешат учителя к своим ученикам, к своим воспитанникам, с окрепшей и умноженной любовью, начинённой мудростью. Сказал же Песталоцци: «В Любви Ребёнок находит вдвое больше источник роста». А если учитель удваивает и утраивает в себе Любовь с Мудростью, какой это будет источник роста для его учеников?

Маленькие лаборатории гуманной педагогики – это были маленькие соты собирания мёда. Нужна была сота, которая могла бы собирать всё богатство в одно целое и давать каждому желающему пользоваться мудростью Педагогической Любви.

Я мечтал об этом. И на радость многим соты возникли при содействии Людмилы Васильевны Шапошниковой: **Международный Центр Гуманной Педагогики**. Первым делом он начал проводить ежегодные Международные Педагогические Чтения.

Смысл моей жизни расширился: живу от Чтений к Чтениям, живу заботами о предстоящих Чтениях. Темы Чтений как крылья, как пёрышки для крыльев. Они, как самые красивые и ароматные цветы, притягивающие пчёл из дальних краёв. С чувством благоговения называю темы каждых чтений.

Первые Чтения (2002 г.): Гуманная педагогика и духовность образовательных пространств.

Вторые Чтения (2003 г.): Улыбка моя, где ты?

Третьи Чтения (2004 г.): Почему не прожить нам жизнь Героями духа?

Четвёртые Чтения (2005 г.): Без сердца что поймём?

Пятые Чтения (2006 г.): Спешите, дети, будем учиться летать!

Шестые Чтения (2007 г.): Истина Школы.

Седьмые Чтения (2008 г.): В Чаше Ребёнка сияет зародыш зерна Культуры.

Восьмые Чтения (2009 г.): Истинное воспитание Ребёнка в воспитании самих себя.

Девятые Чтения (2010 г.): Чтобы дарить Ребёнку искорку знаний, учителю надо впитать море Света.

Из года в год мы совместными усилиями всех участников стараемся совершенствовать формы общения на Чтениях: круглые столы, мастер-классы, лекции, встречи, сообщения по теме: «Как светлый ангел побеждает». Чтениям посвящается ежегодный выпуск журнала «Три ключа», в нём же публикуются списки всех участников, их число постоянно возрастает.

Со временем смысл и назначение Чтений приобретали всё большую чёткость и целенаправленность.

• Чтения способствуют расширению сознания учителей и воспитателей, привнося в него понятие духовного гуманизма.

• Чтения направлены на самосовершенствование их участников, на облагораживание их разума, сердца и чувств.

• Каждые Чтения рассматриваются как большой творческий урок, который даёт участникам импульс для дальнейших поисков и совершенствования.

• Чтения помогают учителям и воспитателям осознать исключительную значимость своей личности в одухотворении своего образовательного мира.

• Чтения помогают им освободиться от авторитарного

образа мышления, от привычек авторитарного общения с учениками и воспитанниками.

• Чтения ставят перед учителями и воспитателями задачу от чего нужно защищать нынешнее поколение детей, какие глобальные угрозы могут надвигаться на них и как дать им отпор.

• Чтения высвобождают в учителе и воспитателе энергию духа и чувствознание, необходимые для постижения искусства Любить Детей.

• Чтения вдохновляют учителей и воспитателей на подвиги во имя одухотворения образовательного мира и защиты детства от всяких посягательств.

• Чтения развивают идеи гуманной педагогики.

• Чтения раздвигают границы гуманной педагогики.

• Чтения взращивают в учителях и воспитателях осознание величия своего служения.

История образования в мире не знает такого опыта духовного восхождения учителей, расширения их сознания.

При содействии Международного Центра Гуманной Педагогики были созданы прекрасные соты: Центры Гуманной Педагогики Хакасской и Дагестанской Автономных республик, Всероссийский Центр Гуманной Педагогики, Латвийская

Ассоциация Гуманных Учителей, Литовский Центр Гуманной Педагогики. В этих сотах много мёда Любви к Детям.

Международный центр имеет свой символ: лебедь на фоне сердца. Это означает единство любви и мудрости.

Я радуюсь, находясь в гуще этих событий.

Радуюсь, потому что «любовь моего поколения присоединяется к моей любви» и «род человеческий, сама природа всегда представляет себя в распоряжении для целей» моей любви.

Я обращаюсь к книгам как к Небесам

Да, Любовь для меня есть самая сущностная Истина и на Земле, и во всей Вселенной. Любовь есть Бог. Я это знаю. Но я всё ещё очень далёк от той тридцатой высшей ступеньки лестницы Иоанна Лествичника, которая называется Любовью и которой завершается восхождение духовной сущности человека на Земле. Я это тоже знаю. Знаю ещё, что, сколько бы я и впредь не прожил, всё равно, постичь полноту любви не успею. Тем не менее, стремлюсь к недостижимому, и потому часто спешу к Мудрым Книгам, Книгам Жизни. Я обращаюсь к ним как к небесам, задаю вопросы, и они отвечают мне. Но смогу ли я осознать весь смысл ответов.

Что есть Любовь? – спрашиваю я у Книг Жизни.

Они мне отвечают:

• Любовь есть ведущее, творящее начало всего сущего на Земле и во Вселенной.

• Любовь есть истинная реальность.

• Великая Любовь заложена в основании Космоса. Ею пронизано, ею движется всё, что только существует в виде Добра и Красоты, Созидания и Восхождения, Вечности и Беспредельности, Видимого и Невидимого, Проявленного и Непроявленного.

• Земля сотворена Любовью и для Любви.

• Человек создан для постижения Любви, для возвышения до её вершины, создан для того, чтобы научился он Любить и творить по законам Любви.

• Любовь есть двигатель расширения сознания.

• Через Любовь люди найдут своё место в Космосе.

• Любовь нужна для пути в Беспредельность.

• Любовь есть ключ к пониманию необходимости движения.

• Без Любви нет продвижения и невозможно понять движение.

• Любовь есть венец Света.

– Что может сделать Любовь? – спрашиваю я.

Книги Жизни отвечают:

• Любовь может созидать миры.

• Любовь строит храмы.

• Любовь и знания все преодолеют.

• Любовь – мощь преодоления.

• Любовь – целебный родник неиссякаемый.

• Любовь укажет границу установления Новой Жизни.

• Каждый предмет изучается только при Любви.

• Каждая трудность побеждается только силой Любви.

• Никакое рассуждение не даст того огня, который возжигается искрою чувства Любви.

– Скажите мне о качестве Любви! – прошу я у Книг Жизни.

Они объясняют:

• Нужно, прежде всего, осознать беспредельность Любви: она, как и Вера, как и Преданность, не имеет границ.

• Любовь, могущая двигать мирами, не походит на любовь над болотом, где гниют кости пережитков.

• Любовь, Подвиг, Труд, Творчество хранят восходящее стремление. Смотрите, какие прекрасные привходящие понятия они заключают в себе: какая же Любовь без самоотвержения, Подвиг без мужества, Труд без терпения, Творчество без самосовершенствования. Есть любовь задерживающая и Любовь устремляющая. Первая – любовь земная, а вторая – Любовь Небесная. Но какое множество созиданий разрушено первой, такое же множество окрылено второй. Первая знает ограничения пространства и сознания, вторая не нуждается в мерах земных. Она не затруднена расстояниями и суждениями о смерти. Первая знает мир как планету, а перед Второй открываются все миры. Вторая Любовь – Любовь устремляющая – идёт как по физическому миру, так по Небесному, Огненному Миру. Она зажигает сердца для радости высшей и тем нерушима.

Я обращаюсь к Небесам:

– В чем человечество нуждается?

И на меня льётся каскад пожеланий и наставлений, как оживляющий и очищающий майский дождь.

• Человечество нуждается в осознании Огня Любви.

• Люди даже не замечают, что их подвалы полны злобы.

• Сердце, изгнавшее жестокость, познает добро и восполнится Великодушием и Любовью.

• Ничего на земле не зажжёт огонь сердца, как Любовь.

• Любовью зажжёте свет Красоты, и действием явите миру спасение духа.

• Сердце, преисполненное любви, будет творящим, мужественным и устремлённым.

• Полюбите каждодневность, она закаляет дух и даёт мужество помыслить о нескончаемости цепи трудовых веков.

• Советуем людям Любить и укреплять чувство Преданности.

• Помогайте всему, что стремится к усовершенствованию.

• Вместо враждебной невежественности лучше явите Любовь к познанию.

• Преуспейте Любовью.

• Высшая Религия учит не страху, но Любви.

• Познавайте, где стремление к Любви и где страхование грехов, где Любовь к восхождению, и где беспокойство сомнения.

• Нужно полюбить качество Жизни. Малейшая утрата качества подавляет все поступательные движения.

• Пылайте Сердцем и творите Любовью.

• Пусть внутри Сердца теплится Лампада Любви.

Это не красивые фразы, а сокровенные знания. Я не в состоянии разобраться в них до глубины, до полной ясности. Но моё сердце чувствует, что Бог всё измеряет Любовью, каждого земного человека проверяет по тому, смог ли он научиться любить ближнего своего, смог ли он возвыситься до любви врагов своих.

Небеса проводят мне экзамен, их очередь задавать мне вопросы.

Они спрашивают:

– Когда человек преисполнен Любовью, разве существует препятствие?

– Нет, конечно! – отвечаю уверенно.

– Но может ли Любовь существовать с предательством?

– Нет! – восклицаю я.

– Где она – Любовь творящая?

– Во мне, во мне! – твержу я.

– разве можно пребывать в злобе, убийстве, в обмане среди величия миров?

– Нет, нет… Грех, позор!

– Но что же среди земных средств может противостоять тьме?

– Только Любовь, только Огонь Любви! – радуюсь я.

– Какая Огненная Любовь вселится в искушённое сердце?

– Никакая, никакая…

– Может ли полюбить сердце, в котором злоба и жестокость.

– Нет, не может…

– А сомнение?

– Там, где истинная Любовь, нет места сомнению…

– А если осуждение?

– Там, где зарождается осуждение, нет полной любви.

– Если земная любовь уже творит чудеса, как же умножает силы Небесная Любовь?

Я ищу меру: может быть, стократно, может быть, тысячекратно? И догадываюсь:

– До беспредельности…

– В чём твоё оружие?

Отвечаю без запинки:

– В Совершенной Любви.

Жду: скажут ли мне Небеса, как я прошёл экзамен. Но Небеса молчат.

Видимо, я должен догадаться сам: какая есть во мне Совершенная Любовь.

Мой клубок любви

Что я вынес из прошлого?

В детстве я не раз наблюдал, как бабушка из овечьей шерсти пряла нить и накручивала в клубок. Он рос и становился всё больше и больше, как детский мяч, а потом заканчивалась шерсть.

Из прошлого я вынес вот этот клубок, но не шерсти, а любви. Я и впредь буду наматывать на него опыт любви, насколько позволят мне жизнь и силы.

Что в этом клубке, какие выводы, какие обобщения?

Я отдаю отчёт тому, что моя любовь вовсе не совершенна. И вообще я только начинаю карабкаться по лестнице Иоанна Лествичника; потому до тридцатой – вершинной ступеньки, которая знаменуется Совершенной Любовью, мне уже не успеть подняться.

Тем не менее, в моём клубке любви есть нечто такое, что позволяет мне дарить детям уроки, общаться с учителями, писать книги, высказывать свои мысли и верить.

Да, я верю, что мир сотворён Творцом-Богом. Верю, может быть, больше, чем тот, кто верит, что мир есть случайное производное от хаоса.

Историческая культура моего грузинского народа привела меня к Православному Христианству. Потому мне близки и понятны идеи христианской Любви, и я стремлюсь к ней.

Учусь любить ближнего.

Учусь любить врагов своих. Хотя давно уже никого не воспринимаю как врага своего.

Учусь прощению и просить прощения. Давно простил всех, кто когда-либо причинял мне зло, и попросил прощения у всех, кому, может быть, я причинил зло. Хотя с верою могу повторить слова Януша Корчака: «Я никому не желаю зла. Не умею. Не знаю, как это делается».

В моём клубке любви есть особая полоска, которая вплетается в мою жизнь с начала 50-х годов: эта цветная, голубая, как мечта, полосочка есть моя сознательная любовь к детям. Вначале она зарождалась как чувство, которое привязывало меня к ним, а со временем совершенствовалось как искусство.

Я всё глубже познавал мудрость:

Любовь надо нести детям с любовью, красиво и изящно, чтобы они приняли её и воспитывались.

Учительская, Педагогическая любовь более утончённая форма Любви, чем даже, пусть не сердятся на меня, Родительская

Любовь. Она требует для своего проявления огромных душевных усилий и мудрости сердца.

В ком уже есть любовь к детям, к тому, при старании, придёт и искусство их любить, т. е. понимание того, как их нужно любить. В ком нет любви к детям и стремления полюбить их, тот пусть не ждёт посещения мудрости педагогической любви.

Кто откровенно не любит детей, тому мудрость любви не достанется. Он сделал бы доброе дело, если покинул бы работу, которая навязывает ему общение с детьми.

Мудрость находится внутри самой любви к детям, а не вне её.

Потому мудрая педагогическая любовь не технологизируется, методически не выстраивается, не расписывается по пунктам, а познаётся сердцем.

Я пристал к одному учителю со своими вопросами:

– Вы любите детей? – спросил я.

– Да, конечно… – ответил тот.

– Как вы их любите?

– Как все…

– Этого мало.

– А как ещё надо их любить? – спросил учитель.

– Так, как любил Сухомлинский…

– А как он любил?

– Любил, как Корчак…

– А как Корчак любил?

– Как Песталоцци…

– Ну а Песталоцци как любил?

– Любил он детей нежно, искренне, преданно, постоянно, без оглядки, любил с радостной улыбкой на лице или со слезами сострадания на глазах…

– Кошмар какой-то… – сказал учитель.

Учитель, который любит детей «как все», далёк от познания величия своей профессии и своего служения.

Любить детей – это сокровенное искусство, но некоторые общие нормы, конечно, существуют.

Из своего клубка любви я достаю обобщения и рад, что они совпадают с мыслями классиков педагогики.

Любить детей и каждого ребёнка надо:

– *искренне, честно, от всего сердца;*

– *спокойно, терпеливо, доверительно;*

– *нежно, красиво, изящно;*

– *преданно, постоянно, без условностей;*

– *воодушевлённо, вдохновенно, увлечённо;*

– *заботливо, мужественно, понимающе;*

– *с уважением, утверждением, возвышением.*

Назову такую Педагогическую Любовь Небесной – вот такой Любовью надо любить детей. Она несовместима с раздражением, с грубостью, с недоверием, с унижением, с насилием, с принуждением…

Знаю детей, потому не буду утверждать, что все они ангелочки. Они дети Света, но вовсе не послушные, разумные и уже воспитанные. Среди них есть неугомонные, дерзкие, шаловливые, требовательные; есть дети замкнутые; есть дети с большими или меньшими способностями: есть красивые и некрасивые, больные и уродливые, есть дети уже испорченные, избалованные, извращённые…

Кого меньше любить, кого больше?

Кого оставить в своём классе, от кого избавиться?

Кого сажать за переднюю парту, а кого – за последнюю?

Но Любовь сравнима только с Солнцем. Солнце дарит всем на Земле свет и тепло одинаково. Нет у него любимчиков и нелюбимых.

– Кого любит Любовь?

– Всех: и того, в ком она есть, и того, в ком её нет.

– Кого ненавидит Любовь?

– Нет такого.

– Кого больше любит Любовь?

– Свою сущность – Бога.

– А у Бога есть избранник на Земле?

– Есть: это – дети.

«Кто примет одно такое дитя во имя Моё, тот Меня принимает», – так говорит Иисус Христос. Получается, что надо принимать каждого Ребёнка как маленького Христа. Потому – «Нет воли Отца вашего Небесного, чтобы погиб один из малых сих».

Из этих стихов Нового Завета я черпал чувства ответственности и восполнялся трепетной любовью перед каждым Ребёнком.

Дополним перечисленные качества педагогической любви ещё одним:

Детей надо любить с чувством глубокой ответственности, долга и служения перед Творцом.

Дети всегда будут разными, и каждый из них потребует от нас только свою, ему предназначенную любовь. Это есть любовь согласно сущности этого отдельного Ребёнка. И только чувствознание сердца будет способно помочь нам открыть в себе мудрость такой любви.

«Люблю исцелять неправых в жизни Любовью».

Это есть восточная мудрость. Из неё можно сделать прекрасные выводы для наших педагогических дел.

Надо любить детей, чтобы защитить их

Педагогическая Любовь к детям есть всемогущая творящая энергия образовательного пространства, которое без этой Любви не станет образовательным. В школе должен быть хоть один учитель, который любит детей и которого любят дети, и он в какой-то степени сможет нейтрализовать ту отрицательную эманацию, которой заполняется пространство, где нет Любви.

А мой внутренний закон таков:

Дети будут преуспевать в своём духовно-нравственном становлении и познании наук в той мере, в какой всем и каждому достанется благотворная энергия педагогической любви. И чем больше будет наполнено образовательное пространство этой энергией, тем богаче закипит в нём жизнь детей.

Педагогическая Любовь велит нам защищать детей. Защищать их нужно:

– от невоспитанных воспитателей,
– от учителей невежд,
– от штампованных уроков и пустых нравоучений,
– от отупляющих домашних заданий,
– от наводящих ужас и страх контрольных и проверок,
– от града отметок и одурманивающих сознание баллов,
– от скуки,
– от насилия учебников,
– от постоянного чувства вины,
– от вынужденной лжи и агрессии,
– от равнодушия,
– от сквернословия,
– от недоверия,
– от посягательств взрослых,
– от «опошляющей реальности»,
– от «торгашеского направления»,
– от чувства собственности,
– от…
– от…

А самое важное: надо защищать детей, каждого Ребёнка от бездуховности и безбожия. Необходимо защищать:

– от растлевающего влияния средств массовой информации,
– от насилия безнравственных развлечений,
– от пошлых чувств и мыслей,

– от дурных зрелищ и дурной музыки,

– от общественной злобы.

Защищать нужно детей:

– от посягательств государства на своих юных граждан.

Мы же видим, как жертвует государство интересами детей в имя своих политических амбиций.

– Можно ли считать, что рыночный принцип в образовании, или, как говорил К.Д. Ушинский, «торгашеское направление, которое из жизни начало проникать в школы», есть проявление глубочайшей любви и заботы государства о детях?

– Нет, конечно!

– Можно ли утверждать, что искусственное занижение и стандартизирование уровня подготовки учителей и воспитателей по так называемым «европейским образцам» есть проявление любви и заботы государства о детях, об их будущем?

– Разумеется, нет!

– Можно ли полагать, что насильственное внедрение в образовательный мир так называемых единых государственных экзаменов, – опять по «западному образцу», – есть проявление самой преданной любви государства к своим молодым гражданам?

– Глупость!

– Можно ли надеяться, что там, где директорами школ, начальниками образования разного уровня, министрами образования назначаются люди с ограниченным сознанием, не любящие, не знающие детей, люди невежды, корыстные, бездушные, – тоже от искренней любви к детям?

– Нет и нет!

– То, что учителя школ, завучи, директора, тонут в отчётности перед начальством, а их Забота о детях страдает бумажной волокитой, бюрократическими инструкциями, постоянными и жёсткими проверками, – всё это исходит от любви к детям?

– Смешно, абсурдно!

Если в мире образования что-либо делается не от любви к детям, не от чуткой к ним заботливости, всё будет ложью, порождающей злобу.

Вот и происходят беды.

– Не было такого ужасающего количества детей-бомжей, а теперь есть.

– Никогда не было такого количества детских суицидов, а теперь есть.

– Никогда не было такого размаха криминала среди несовершеннолетних, а теперь есть.

– Никогда не было национальной вражды и неприязни среди молодых, а теперь есть.

– Никогда не было стольких, содрогающих душу наркоманов, курящих и алкоголиков среди детей, а теперь есть.

– Никогда не было такого размаха детской проституции, а теперь есть.

– Никогда не допускалась к детям порнография, а теперь допускается.

– Никогда не было подпольного бизнеса по торговле детьми, а теперь есть.

– Никогда не было…

– Никогда не было…

Только любовью к детям можно защитить их от этих бед.

Есть тьма.

Есть Свет.

Света мало там, где сосредоточена власть, которая могла бы положить всему этому конец, но у нас пока такой власти нет.

Но кроме власти, в которой пока мало любви к детям, есть добрая воля учителей и воспитателей, которым любовь к детям и их защита Богом предписаны.

Я устремлён в Будущее

Время уходит.

«Полюбите будущее, крылья вырастут», – говорит Великий Восток.

Раньше я не знал эту мудрость, но моя сущность всегда устремляла меня к Будущему.

Когда-то, размышляя о времени, я записал для себя следующие обрывки мыслей:

Будущее – это тот, кто собирает хворост для костра.

Настоящее – это тот, кто зажигает костёр из хвороста.

Прошлое – это тот, кто хранит в золе догорающие угольки.

Будущее – это оправдание Настоящего.

Настоящее – это вечное и непрерывное вхождение в Будущее.

Прошлое – их следы.

Будущее – гнездо мечты.

Настоящее – действие для перетягивания мечты.

Прошлое – архив для них.

Настоящее – ошибка Будущего.

Прошлое – контрольная для Настоящего.

Восторг – это вспышка пламени в душе человека, вызванная неожиданным посещением искры из Будущего.

Радость – это Настоящее, которое, оторвавшись от Прошлого, раньше времени входит в Будущее.

Печаль – это тогда, когда Настоящее не может вдохновиться Будущим, но и не может вернуть Прошлое.

Пессимизм – это тогда, когда Прошлое застревает в Настоящем и не даёт ему двигаться в Будущее.

Скука – это такое Настоящее, которое, забыв о Будущем, роется в золе Прошлого, наблюдая, как гасятся последние искры.

Жизнь – это пламенный танец Настоящего с Будущим, следы которого хранит Прошлое.

Жизнь – это вечное Настоящее, ведомое Будущим, но задерживаемое Прошлым.

Живёт тот, кто спешит перетянуть Будущее в настоящее, не задерживаясь в Прошлом.

Я всегда рвался в Будущее, не думая о том, что оно прибавит мне годы. Стремлюсь в Будущее и сейчас.

Но что я в нём ищу?

Рвусь не к тому Будущему, которое может принести голод, холод, войны и разрушения, безнадёжность и обречённость, злобу и ненависть; рвусь не к всеобщей «чипизации», глобальному порабощению населения планеты, не к рекламному рабству, не к

вакханалии разврата, разрушению семьи, к торжеству антихриста; рвусь к тому, чтобы всего этого не было, а было совсем другое, противоположное, светлое.

Сказано: Красота спасёт мир.

А что спасёт Красоту?

Кто, что спасёт Красоту, чтобы весь мир, всё человечество были спасены?

Тучи надвигаются.

Я не знаю, что ждёт наших детей, которых сегодня воспитываем, спустя пятьдесят лет. Так же, как не знали учителя 30–40-х годов, что могло случиться с моим поколением в 90-х годах прошлого века.

Но я люблю детей, и у меня горький опыт. Потому спешу уберечь их от возможных грядущих социальных бедствий и потрясений. Они должны быть готовы к ним, должны найти в себе силы и мужество предотвратить их, противостоять им, одержать победу над ними.

И Мир, и Красоту, и Культуру, и Человечество спасёт толь ко Всеначальная Энергия Любви, которая от Бога. Эту энергию, – она неисчерпаема, – должны набрать в себе и умножить люди и передавать, дарить её друг другу.

Чем больше накопится на Земле Всеначальная Энергия Любви, тем успешнее люди будут эволюционировать, восходить, творить, расширять сознание, открывать сердца, проявлять таланты и нести друг другу свои дары духа.

Я понял, что детей надо любить не только красиво, но с чувством глубокой ответственности за их будущее, их надо любить всей своей жизнью, надо любить их постоянно. А это значит – заботиться о них, о каждом из них, не услаждать их байками о «светлом будущем», а вдохнуть в них мужество бороться против тьмы, учить их самим строить, облагораживать жизнь для себя и для других и защищать её.

Надо, чтобы Ноосфера Земли была защищена всемогуществом Сферы Люби.

Фантазия ли это?

Нет ли на Земле людей, которые верят, что такие времена наступят, но, конечно, понадобятся огромные усилия воли и преданная, бесстрашная устремлённость к цели?

Есть. Есть такие люди.

Возвышенно их называют устремлёнными.

Их называют учителями, воспитателями.

Их называют художниками Жизни.

Называют Учителями Света.

Во власти этих людей – дать всем остальным импульс Любви.

Я хочу быть среди них.